

Ирина Градова

ПАЦИЕНТ

скорее жив



КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Пациент скорее жив

«ЭКСМО»

2010

Градова И.

Пациент скорее жив / И. Градова — «Эксмо»,
2010 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-699-42062-9

Врач-анестезиолог Агния Смольская предвкушала долгожданный отдых на Средиземном море в обществе любимого мужчины. Но главврач не отпустил Олега в отпуск! Что же делать: поехать одной или отказаться от путевки? Агния выбрала третий вариант и согласилась на предложение руководителя отдела медицинских исследований. Так вместо отеля на побережье она оказалась в Светлогорской больнице, за которой уже давно тянулась дурная слава: оттуда бесследно исчезали пациенты. Агния, устроившаяся в Светлогорску медсестрой, постаралась вызвать доверие местного персонала, тайком заглянула в некоторые документы и поняла, что пребывание в этой больнице действительно может оказаться смертельно опасным как для больных, так и для нее самой...

ISBN 978-5-699-42062-9

© Градова И., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Градова

Пациент скорее жив

* * *

Женщина открыла глаза и несколько минут лежала неподвижно, устремив взгляд в потолок. Вокруг не слышалось ни звука: все в палате спали крепким сном, что неудивительно: маленькие желтые таблетки, которые приносят каждый раз после ужина, делали свое дело.

Она похвалила себя за сообразительность. Последние несколько дней ее порция устремлялась не в желудок, а заканчивала жизнь в раковине, под сильной струей воды. Только благодаря этому она все еще не потеряла способность трезво мыслить!

Спустив ноги с кровати, она сунула их в тапки и снова помедлила несколько минут, прислушиваясь к каждому звуку. Кроме шума деревьев за окном и грохота редких еще трамваев по рельсам всего в каких-нибудь двухстах метрах за шлагбаумом, предрассветную тишину больше ничто не нарушало.

Женщина выбрала именно этот час, а не ночь, потому что именно перед рассветом наиболее ослаблена бдительность тех, кто призван за ней следить. Надвигается день, и все уверены, что в промежутке между самым темным даже в белые ночи временем суток и восходом солнца просто ничего произойти не может. И именно в это время она ускользнет!

Осторожно прикрыв за собой дверь, женщина вышла в пустынный коридор, тускло освещенный лампами дежурного света. На сестринском посту никого: разумеется, ведь сегодня дежурит Оксана, а ее дежурства, по странному стечению обстоятельств, почти всегда совпадают с дежурствами ординатора Пети Храпова. Наверняка они с Оксаной сейчас милуются в белье или спят – самое время исчезнуть.

Она не воспользовалась лифтом: движение пассажирской кабины в столь неурочное время может привлечь ненужное внимание со стороны персонала. А ей ведь неизвестно, кому здесь можно доверять. Поэтому оставалась лестница.

Женщина медленно спустилась на первый этаж, время от времени замирая на ступеньках, прислушиваясь и оглядываясь, словно мышь, крадущаяся мимо спящего кота. Она уже собиралась толкнуть дверь, ведущую в общий коридор, как вдруг услышала голоса.

– Ну почему, почему именно к нам всегда доставляют перестарков и бомжей, а? – возмущался женский голос. – Одни приезжают умирать, другим и лечение-то не нужно – только теплое место для ночлега да бесплатный душ!

– Ты совершенно права, дорогуша, – откликнулся в ответ ей мужчина. – Я бы все отдал за то, чтобы иметь дело только с членами правительства, но – что делать... Жизнь полна несправедливости!

Голоса стали удаляться в направлении служебных лифтов. Женщина еще несколько минут постояла на лестнице, не решаясь открыть дверь, но пора было действовать, и желание свободы пересилило страх и осторожность.

Выход из клиники в это время, конечно, закрыт, но можно выбраться через приемный покой: если повезет, там окажется достаточно народу, чтобы смешаться с толпой и незаметно выскочить на улицу. Она не думала о том, как будет добираться до дома, не имея ни копейки денег. Ничего, что-нибудь придумает, как только больница останется позади.

Женщина еще раз поздравила себя: прежде чем спуститься, догадалась прихватить в незапертой сестринской чей-то мятый белый халат. Пусть и без бейджика, но все-таки... Правда, больничные тапки выдают пациентку, но, с другой стороны, почему медсестра или,

скажем, нянечка не может надеть тапки после тяжелой смены, когда ноги устали и гудят? Опять же, если повезет, то никто просто не обратит внимания на обувь.

Беспрепятственно добравшись до двери в приемный покой, беглянка позволила себе перевести дух. Здесь, как она и предполагала, было достаточно людей, и никто не обратил особого внимания на старую женщину в белом халате и шлепанцах. Дежурная медсестра лишь скользнула равнодушным взглядом и спросила:

– Что так поздно со смены?

– Да... как-то завозилась... Дома уж заждались, наверное! – нашлась она.

И вот наконец заветная дверь. Толстый охранник курил, приоткрыв створку, и женщина, прошмыгнув мимо него, оказалась в больничном дворе, куда подъезжали машины «Скорой помощи». Оставалось лишь обойти здание и выйти за шлагбаум: там никого не интересуют пешеходы, проверяют только автомобили.

На улице она сразу почувствовала, что замерзает: сильный порыв ветра едва не вытряхнул ее тощее тело из халата, а в небе неприветливо хмурились тучи – видимо, собирался дождь, а то и гроза.

– Ну, и куда это мы намылились? – вдруг раздался за ее спиной чуть насмешливый мужской голос. Но напускное добродушие не могло обмануть беглянку: в тоне говорившего угадывался с трудом сдерживаемый гнев. – Без верхней одежды, в такой ветер... И о чем вы только думали?

Она могла бы попытаться убежать – до спасительного шлагбаума, отделяющего ее от свободы, рукой подать...

Безнадежно опустив плечи, женщина покорно поплелась к окликнувшему ее человеку, который стоял на месте и не сделал ни единого движения по направлению к ней: знал, что она никуда не денется.

* * *

Несмотря на середину июля, погода оставляла желать лучшего. В Питере так всегда: ждешь лета, ждешь, строишь какие-то планы, а вот оно приходит – холодное, дождливое, короткое – и почти мгновенно перетекает в осенний листопад!

В этом году я собиралась обмануть природу и провести хотя бы пару недель там, где светит солнце, плещется море и растут пальмы, однако в последний момент планы сорвались. Поэтому мое настроение полностью соответствовало погоде: дождь лил как из ведра, и зонтик оказался совершенно бесполезен из-за сильных порывов ветра – мои джинсы намокли по самые колени, а в туфлях – в моих *новых дорожных кожаных* туфлях! – хлюпала вода.

Мы с Олегом собирались в отпуск вместе. Специально подгадывали время, чтобы графики совпали, и так дотянули до июля – прямо скажем, не самый удачный месяц для заграничной поездки: цены на путевки высокие, а жара на курортах на самом пике. Тем не менее мы ждали поездки как манны небесной. Путевки были уже у нас на руках, как вдруг выяснилось, что главный и сам решил отдохнуть, а одновременно с ним сорвались еще несколько заведующих отделениями. И, конечно, именно Шилову необходимо было остаться на месте. Я рвала и метала: почему?! Лето ведь, не самый сезон для травм, но Олег сказал, что я не права: да, летом меньше падений из-за обледенения и, соответственно, переломов, а также плановых операций – большинство народа разъезжается по дачам. Зато именно на эти месяцы приходится самый высокий уровень автомобильных аварий и несчастных случаев на дорогах.

В общем, Шилов сказал, что я могу ехать одна или взять с собой сына или подругу, но это же – совсем другое дело! Мы так давно мечтали побыть только вдвоем, хотя бы несчастные две недели, поэтому заявление Олега, что он не едет, повергло меня в черную депрессию. Конечно, Шилов чувствовал себя виноватым. И правильно, черт подери! Ведь мог же

упереться, как другие завы, и сказать главному, что уже приобрел путевку и не может ничего отменить? Вполне мог.

Настроение мое было на нуле еще и потому, что вот уже два дня я с Шиловым не разговариваю, а через три дня начинается мой, такой долгожданный, но теперь совершенно бесполезный отпуск. Тем не менее я решила ничего не отменять: пусть не еду с Олегом, отправлюсь и одна. Или, в конце концов, с Лариской, если ей, конечно, удастся вырваться из своих трех стоматологических клиник хотя бы на четырнадцать дней... Или, может, поехать с Дэном? Правда, сынуля уже большой и, наверное, не захочет проводить время, выгуливая мамашу, вместо того чтобы общаться с друзьями.

Ну, в любом случае я не собиралась сдаваться: даже если никуда и не поеду, то все равно отдохну по полной программе – похожу по магазинам, ведь мне так редко удается это делать из-за большой загруженности в больнице и со студентами, посету Эрмитаж и Русский, где не была, наверное, со студенческих времен, съезжу в Павловск или Пушкин... Питер, несмотря на свои недостатки, как раз тот город, в котором просто нет времени скучать!

Войдя в холл, я стряхнула влагу с зонта и уже собиралась пройти к лифтам, как вдруг меня остановила консьержка:

– Агния, вас просила зайти сорок вторая квартира.

В сорок второй проживает одна из моих постоянных пациенток – соседка, которой я время от времени измеряю давление, уровень сахара и холестерина. Зовут ее Таисией Михайловной Новиковой, ей хорошо за восемьдесят, и она уже лет двадцать никуда не выходит из собственной квартиры. Многие считают ее чуть тронутой, но в целом соседи жалеют старушку и помогают, кто чем может: ходят в магазин или на почту, покупают телевизионную программу и так далее. Между прочим, у нее имеется двое детей, но каждый из них, очевидно, считает, что о престарелой матери должен заботиться другой, а потому сын и дочь навещают Таисию Михайловну крайне редко, в основном по праздникам, да и то ненадолго. Она же в свою очередь предпочитает «не беспокоить» детей слишком часто своими «стариковскими нуждами». Чрезвычайно удобно, не так ли?

Поднявшись на этаж, я подошла к квартире и постучала: звонок на двери пенсионерки не работает уже лет пять, но у нее, несмотря на возраст, превосходный слух. Подождала несколько минут, понимая, что старушка не может подхватиться немедленно, ей необходимо время для того, чтобы добраться до двери. Наконец по другую сторону раздался шорох и звон цепочки, а потом скрипучий голос недоверчиво поинтересовался:

– Кто там?

Я представилась.

– Ой, Агния, деточка! – Голос старушки мгновенно стал более мелодичным и приветливым. – Сейчас-сейчас, открываю...

– Ну, что у нас случилось? – поинтересовалась я, окидывая взглядом невысокую, в меру упитанную фигуру Таисии Михайловны. На вид она показалась мне вполне здоровой.

– Да я не о себе хотела с вами побеседовать, – отмахнулась старушка. – А что, консьержка ввела вас в заблуждение? Вот говорила же ей – это не горит...

– Ладно-ладно, – улыбнулась я. – Так в чем же дело-то?

– Да в соседке моей по лестничной площадке, Нинке Марковой. Вы ее знаете, Агния!

Я не сразу поняла, что она имеет в виду Нину Максимовну Маркову из сорок четвертой квартиры. Хотя, конечно, судя по преклонному возрасту обеих, они вполне могли не использовать отчеств в общении друг с другом.

– И что с ней?

– Так пропала она, вот что!

– Как – пропала?

– В больницу ее отвезли.

– Ну вот, а вы говорите – пропала, – вздохнула я с облегчением.

– Да пропала, пропала! Ночью это было, часа в два. Я ведь и днем-то не выхожу, дверь только социальному работнику открываю да вот вам, к примеру. А ночами не сплю, смотрю ночной канал – слава богу, есть теперь такая возможность, а то раньше просто не знала, чем и заняться... Так вот, смотрю я телик, потом слышу – шум в коридоре. Ну, я к двери подошла, в «глазок» гляжу – выходят из Нинкиной квартиры двое в синей униформе и сама она, еле ползет. И с тех пор – ни слуху ни духу! Я ей на мобильник звонила – никто не отвечает...

– А сколько времени прошло? – спросила я.

– Да уж недели три. Представляете, Агния? Так долго, насколько я знаю, у нас в больницах никого не держат. И почему же я дозвониться-то до Нинки не могу? Эх, и что ж это я выйти побоялась... Хотя спросила бы, в какую больницу ее повезут...

– А вы не пытались с родственниками Нины Максимовны связаться? Может, они в курсе?

– Вот они-то уж точно – не в курсе! – замотала головой старушка. – Есть у нее родственники – и племянница, и сынок, только живут они в Выборге. Не так уж и далеко, разумеется, только Нинка с ними не общалась вовсе. Она ж молодая еще совсем, всего семьдесят два ей, сама себя прекрасно обслужить может и на тот свет пока не собиралась... Только вроде бы поругались они с племянницей. Уж и не знаю, из-за чего.

– И давно?

– Да больше года не общались, – вздохнула Таисия Михайловна.

– Тогда надо в милицию заявить о пропаже человека, – сказала я. – Если хотите, я поговорю с одним своим знакомым.

– Даже не знаю... – пробормотала Таисия Михайловна. – Думаете, все так серьезно?

– Понятия не имею, – пожала я плечами. – Но надо бы. Для очистки совести!

Придя домой, я первым делом звякнула Родину, бывшему маминому ученику, а ныне следователю по особо важным делам, и сообщила ему имя пропавшей старушки, вкратце изложил обстоятельства дела. Тот не слишком меня обнадежил, сказав, что розыск пропавших – не его юрисдикция. Почувствовав мое разочарование, Родин все-таки пообещал поговорить со своим приятелем из соответствующего отдела, но попросил меня не обольщаться: работы у них – выше крыши, потому что каждый божий день в городе пропадает чертова туча народу, а находят единицы.

* * *

Собираясь утром на работу, я поймала себя на мысли, что уже скучаю без Олега. Строго говоря, мы виделись каждый день – в коридорах его отделения, на операциях, но вот уже несколько дней я разговаривала с ним только по делу и суровым профессиональным тоном, давая Шилову понять, что обижена на него за сорванный отпуск. Однако держать дистанцию оказалось гораздо сложнее, чем думалось вначале: стоило мне увидеть его светлые взъерошенные волосы и несчастные глаза, молча умоляющие о прощении, как я чувствовала, что готова сдаться.

– Он заходил! – сообщила Маша, едва я распахнула дверь в ординаторскую.

Мы с ней друг друга недолюбливаем, потому что моя коллега считает, что заведующая отделением Охлопкова слишком многое мне позволяет, так как я хожу у нее в любимчиках. Тем не менее Маша никогда не могла пройти мимо свежих сплетен. Кроме того, она достаточно внимательна, чтобы заметить перемену в наших с Шиловым отношениях, хоть мы и работаем в разных отделениях. Очевидно, сейчас коллега жаждала новостей, но я вовсе не собиралась доставлять ей удовольствие.

– Что-то передавал? – равнодушно спросила я.

– Нет, сказал, что позже заглянет.

Очень хорошо – у Шилова ничего не выйдет! У меня сегодня вообще нет операций в травматологии, зато целых четыре – в гастроэнтерологии и пульмонологии, так что шансы встретить Олега стремятся к нулю.

Меня ожидает длинный день, плавно перетекающий в ночное дежурство – последнее перед отпуском. Перед тем как отключить телефон, я взглянула на дисплей и увидела там сообщение от Вики. Это меня удивило: мы не общались уже больше месяца, и я и думать забыла об Отделе медицинских исследований, в который меня едва не угораздило вступить с легкой руки вице-губернатора Кропоткиной¹, что могло девушке от меня понадобиться? Мне нравилась Вика – у меня вполне могла быть такая дочь, если бы я родила ее очень рано. Однако отвечать или перезванивать Вике сейчас не было времени, и я решила отложить общение до лучших времен.

День выдался не только длинным, но и невыносимо тяжелым. Вторая операция в отделении пульмонологии продлилась целых четыре часа, и я просто не представляла, как доживу до вечера. В час я буквально приползла в пустой буфет, чтобы перехватить пару пирожков, которые прямо там печет профессиональный пекарь-кондитер. Среди множества недостатков нашего Главного имеются и бесспорные достоинства: он любит получать все самое лучшее не только лично для себя, но и для учреждения, которое возглавляет. Именно он поставил в буфете и в приемном отделении кофе-машину, и все сотрудники получили возможность наслаждаться прекрасно приготовленным напитком. И Главный же пригласил на работу кондитера: в его исполнении пиццы, пирожки и пирожные представляли собой настоящие произведения искусства. Правда, нельзя сказать, что женский персонал испытывал по этому поводу большую благодарность: теперь в буфете кормили так вкусно, что возникала конкретная опасность поправиться на несколько кило в считанные дни.

Не успела я заплатить за рыбный расстегай, как увидела знакомую фигуру в белом халате. Бежать было поздно, и я чинно направилась к столику в глубине маленького зала, старательно делая вид, что страшно занята собственными мыслями и потому не вижу Шилова.

– Прекрати это!

Слова звучали требовательно, но тон, которым Олег их произнес, был умоляющим.

– Прекратить – что? – холодно поинтересовалась я, усаживаясь на стул.

– Вести себя... так!

Олег плюхнулся рядом.

– Как – так?

– Словно мы не знакомы! – взорвался он. – Ты ведешь себя, как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку!

– Просто дело в том, – сказала я, – что есть вещи, которые я считаю важными, а ты, судя по всему, нет. Значит, мы не договоримся: разные приоритеты.

– Ну почему ты не можешь понять, что мне перемена в наших планах так же неприятна, как и тебе?

– А почему ты не стал бороться за то, чтобы все-таки осуществить наши планы? – парировала я. – Как же, тебя попросил Главный – какая невероятная честь и ответственность...

– Но у меня и в самом деле гораздо больше ответственности, чем у тебя! – возразил Шилов.

– Да-да, знаю, – холодно кивнула я. – Без тебя отделение просто загнется.

– Не иронизируй! – попросил Олег. – Я же не требую, чтобы ты отказалась от отпуска...

– А кто тебе сказал, что ты вообще имеешь право это требовать? – прервала его я. – Лично я поеду в отпуск независимо от того, отправишься ты со мной или нет.

¹ Читайте об этом в романе И. Градовой «Коктейль Наполеона». Издательство «Эксмо».

– И правильно – поезжай. Отдохни как следует, а потом я снова хочу видеть ту Агнию, которую люблю, а не Снежную королеву, к которой страшно приблизиться.

С этими словами Олег резко поднялся и вышел. Он сказал – «люблю»? Я не ослышалась?

Мы с Шиловым никогда не говорили о любви – даже в постели. Говорили о совместном проживании, причем я все время переводила разговор на другую тему. В моей жизни уже был один брак – неудачный, и, хотя мы с бывшим супругом сохранили дружеские отношения, повторять опыт мне как-то не хотелось².

Конечно, Олег отличался от Славки, как день отличается от ночи, но я теперь, как говорится, и на воду дую. Какая уж там любовь...

Задумчиво жуя расстегай, я попыталась понять, что чувствую. А может, для Шилова это была всего лишь фигура речи? Нам вместе комфортно, всегда находится тема для разговора, что для меня очень важно, мы хорошо понимаем друг друга. Но *люблю* ли я Олега? Да, правда, секс с ним доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие, мне приятно даже смотреть на него, такого подтянутого, чистого, милого. Но – любовь ли это?

Когда я была влюблена в Славку, то точно знала: это – любовь. Но тогда мне было семнадцать лет! А теперь, приближаясь к сорока... Хотя, возможно, я стала слишком уж осторожной.

Остаток дня я провела в мыслях об этом. Вернувшись после семи в свое отделение анестезиологии и реанимации, я села, скинула туфли и положила гудящие ноги на стул. Больница постепенно пустела: уходили домой последние посетители, врачи, и оставались лишь дежурные – я в том числе. Через некоторое время мне надлежало спуститься в приемное отделение: сегодня дежурю не только я, но и наша больница дежурит по городу.

Поначалу все было тихо, и я успела выпить две чашки эспрессо и прочитать две главы женского романа, оставленного кем-то из персонала на журнальном столике. А потом начался *ад*!

Один раз я уже пережила подобное, когда на перекрестке рядом с больницей произошло большое ДТП – столкнулись пассажирский автобус и дальнобойная фура. Разумеется, пострадавших повезли именно сюда, так как наша больница оказалась ближайшей к месту происшествия. Но сегодня дело было не в дорожной аварии.

– Что случилось? – вскричал Лазарь Петрович Тельман из хирургического отделения, дежуривший вместе со мной, подсказывая к врачам «Скорой», вкатившим первую каталку: за их спинами слышался вой сирен, и мы поняли, что одним пациентом явно не отделаемся.

– Обрушение подъезда на проспекте Энгельса! – стараясь перекрыть шум, ответил молодой парень в униформе с надписью «МЧС». – Много жертв! Похоже, взорвались газовые баллоны в подвале. Часть пострадавших увезли в ожоговый центр, а тех, у кого ожогов нет, а только травмы, доставляем к вам и в «тройку».

– И сколько же из них к нам? – поинтересовалась я, с ужасом глядя на то, как санитары, распахнув двери настежь и подставив к ним стулья, чтобы не закрывались, помогают вкатывать пострадавших.

– Где, черт подери, дежурная сестра?! – взревел Лазарь Петрович (я и не предполагала, что у обычно спокойного, интеллигентного – для хирурга – мужчины может прорезаться такой командный голос). – Надо обзвонить все отделения и найти свободные места!

Сестра тут же выросла перед ним как из-под земли. У молоденькой девчонки лицо приобрело зеленоватый оттенок. Я ее понимала: даже у меня, выдавшей вида, комок подкатывал к горлу при виде такого количества раненых.

– Лазарь Петрович, мы можем разместить только двадцать два человека. Даже если вкатим в палаты дополнительные кровати! – простонала сестричка.

Хирург на мгновение задумался.

² Читайте об этом в романе И. Градовой «Окончательный диагноз». Издательство «Эксмо».

– Тогда везите самых легких в дневной стационар! – приказал он. – Завтра разберемся, а сейчас наша задача принять всех, кого можно.

Вот за это я и люблю Тельмана. Он никогда не станет ругаться с врачами «Скорой», доказывая, что мест нет, и требуя, чтобы пациентов везли куда-нибудь еще. Нет, он сделает все возможное, чтобы оказать помощь, а уж потом наставит «фитилей» тем, кому надо.

– Пожалуй, одни мы не справимся, – пробормотал он, безнадежно глядя на снующих вокруг с каталками врачей и санитаров, – придется вызывать народ из дома... А вы со мной, Агния!

К счастью, в тот день дежурило именно хирургическое отделение, но людей все равно не хватало, поэтому дежурная сестра принялась обзванивать врачей. Мы же с Тельманом спустились в оперблоки, чтобы прооперировать самых тяжелых. Но сначала я позвонила в свое отделение, чтобы подготовили реанимационные палаты. Как выяснилось, свободными оказались всего четыре койки, а требовалось по меньшей мере девять. Но мне уже недосуг было заниматься такими мелочами, так как три пациента ожидали срочной операции, а я оказалась единственным на данный момент анестезиологом на всю больницу...

Через три часа, когда мы на скорую руку заштопали второго в очереди, появилась еще одна бригада, и мы с Тельманом вздохнули с облегчением. Работы все равно оставалось много, но по крайней мере теперь у пострадавших будет гораздо больше шансов.

К пяти утра приемный покой опустел. За это время через мои руки прошло пять пациентов, и я буквально валилась с ног. После целого дня работы такая ночь – явно перебор! Я упала на диван и взяла в руки книгу, понимая, что все равно не смогу читать: глаза уже не различали строчек. Тельман сгинул где-то в недрах оперблока, сонная медсестра Татьяна возилась около кофе-машины.

И в тот момент двое врачей «Скорой» вкатили еще одну каталку.

– Нет-нет! – завопила Таня, выскакивая из своего закутка. – Только не к нам! У нас нет мест, и...

– Да недотянет она до другой больницы! – рявкнул пожилой доктор, сверля глазами девушку. – Мы уже в двух были – нигде не берут, все из-за того же обрушения дома!

– Что случилось? – спросила я, со стоном спуская ноги на пол и чувствуя, что они едва влезают в туфли.

– Да вот, порхала по проезжей части, как муха по стеклу... – вздохнул мужчина. – Едва одета: в халате и тапочках. Может, из психушки сбежала?

– Или из дома, – предположила его коллега. – У меня соседка постоянно сбегает, а потом сын ее по всему городу ищет: иногда прямо в ночной рубашке уйдет и оказывается в самом центре.

Я посмотрела на пострадавшую. Пожилая женщина, худая, но никак не походит на тех, у кого проблемы с головой. Хотя как можно быть уверенной – я же не психиатр!

– Повреждения? – спросила я.

– Множественные осколочные переломы обеих ног, ушиб грудной клетки. Скорее всего, переломы ребер, но нужен рентген. Сотрясение мозга – ясное дело. Многочисленные ушибы внутренних органов. Возможно внутреннее кровотечение. Так как, примете? – с надеждой посмотрел на меня врач.

– Ну конечно, примем, – вздохнула я. – Не умирать же ей, в самом деле, только потому, что в районе произошла катастрофа!

Лицо пострадавшей почему-то показалось мне знакомым. Наверное, просто слишком на многих сегодня насмотрелась.

– Таня, найди мне Лазаря Петровича! – попросила я, и медсестра вяло взялась за телефонную трубку.

* * *

Проснувшись, я долго лежала, глядя в потолок, не чувствуя в себе сил вылезти из-под одеяла. Мама уже несколько раз заглядывала в комнату, но я делала вид, что все еще сплю, и она на цыпочках удалялась. Такой тяжелой ночи у меня не случалось давненько – и это перед самым отпуском, когда самая пора расслабиться и морально подготовиться к отдыху! Я не могла не думать о той бедной женщине, которую доставили после аврала с обрушением подъезда. Как ее угораздило оказаться на улице в исподнем? Мне показалось, она не походила ни на бомжиху, ни на душевнобольную – просто несчастный человек, попавший в тяжелую жизненную ситуацию. Есть ли у нее родные? Ищут ли ее? Нам удалось спасти пациентку, но через полчаса после реанимации она впала в кому. Теперь никто не мог поручиться, выживет она или умрет, не приходя в сознание. Тельман сказал, что старушке в какой-то мере даже повезло: с такими переломами женщина испытывала бы адские боли, будь она в памяти, а теперь, если поправится, самое тяжелое время окажется уже позади...

– Ма, ты что там – умерла?

Дверь приоткрылась, и в шелку просунулась голова сына. Я только пробубнила нечто нечленораздельное: вставать еще не хотелось. Однако Дэн понял, что я уже не сплю, и тут же распахнул дверь пошире, впуская ураган в лице (или правильнее сказать – в морде?) Куся, нашей огромной черной терьерши, которую хлебом не корми – дай разбудить человека поутру, обшлюнявив его с головы до ног. Куся вспорхнула ко мне на постель, как будто и не весила восемьдесят кило, и стала искать своей бородатой мордой мое лицо. Несколько минут мы молча боролись, потом к нам присоединился Дэн. Еще через некоторое время, запыхавшиеся и красные, мы все втроем свалились на пол, и я пошла в ванную, оставив сынулю с собакой в спальне.

Под душем я провела минут сорок, включая то горячую воду, то холодную, чтобы привести в порядок кожу лица и восстановить циркуляцию крови. Честно говоря, ничто не нравится мне так сильно, как дневные часы после дежурства, когда никуда не требуется торопиться и можно уделить некоторое время себе лично. Я расчесала волосы и втерла в них масло алоэ, чтобы придать шелковистость. Затем, надев обруч, протерла лицо лосьоном и нанесла шоколадно-лимонную маску, после чего вернулась в спальню (мама уже успела убрать постель) и растянулась на покрывале, прикрыв глаза. Господи, какой кайф!

Однако счастье мое отнюдь не было полным. Я с тоской подумала о том, что Олег сейчас мог бы быть рядом со мной. Может, это все-таки *любовь*? Я хочу быть с ним, хочу, чтобы мы просыпались в одной постели по утрам и встречались на кухне за завтраком и ужином...

– Женщина пропала... – услышала я, входя наконец в кухню, где мама жарила гренки и одним глазом, как обычно, смотрела в экран маленького телевизора, стоящего на холодильнике. – Из квартиры вынесли почти все ценные вещи, – вещал мужчина в свитере. – Друзья теряются в догадках.

– Что за ужасы ты смотришь с утра пораньше? – осведомилась я, плюхаясь на стул и хватая с тарелки обжигающе горячую гренку, обильно посыпанную сахарной пудрой.

– «Закон и порядок», – ответила мама. С некоторых пор она полюбила криминальные передачи типа «Особо опасен» и «Человек и закон». – Боже мой, что творится в стране!

– Мам, – вздохнула я, – в нашей стране всегда что-то происходит. Такова уж, видно, ее судьба и Божья воля! А что случилось-то?

– Да вот, актриса пропала – и это уже не в первый раз! Квартиру ее кто-то разграбил...

И в самом деле, такие истории в последнее время участились, люди без конца пропадают. Вот, к примеру, Нина Максимовна – куда делась? От Родина пока никаких известий на ее счет. Когда о подобных вещах слышишь в новостях, они кажутся далекими и нереальными, но если

ты лично знаешь кого-то, с кем случилась беда, сразу начинаешь переживать это так, словно сам являешься участником событий.

В коридоре залаяла Куся, и мама прислушалась.

– Кажется, в дверь звонят, – сказала она.

– А у тебя телик так орет, что ничего не слышно, – покачала я головой.

– Я открою! – крикнул Дэн.

Через минуту он появился на кухне с озадаченным выражением лица:

– Тут... э-э... К тебе, ма!

Из-за широкой спины сына высунулась хорошенькая головка в дредах до самого пояса, с перьями синих и зеленых прядей.

– Вика?! – охнула я, мгновенно вспомнив об эсэмэсках от девушки, на которые так и не соизволила ответить.

– Ну, вы не перезвонили, и я решила зайти, – пожала плечами гостя и протиснулась в кухню мимо Дэна.

На ней была короткая юбка клеш из красно-синей шотландки, зеленая футболка с логотипом «Nike», полосатые колготки и пляжные тапочки. Несмотря на полную безвкусицу в одежде, девушка выглядела мило и в то же время трогательно.

– Нас представят? – поинтересовался Дэн.

Он давно гулял с девочками – судя по маминым наблюдениям, лет с тринадцати, но подружки сына, с кем мне доводилось знакомиться, кардинально отличались от Вики. Те девушки носили безупречные платья, дорогой макияж, и даже я порой задумывалась, смогу ли соответствовать столь высокому стилю, вздумай сынуля вдруг пригласить меня куда-нибудь их сопровождать. На Вику Дэн не просто смотрел во все глаза – он откровенно *пялился* на нее, пытаясь, очевидно, понять, что за диковинная птица залетела в наш дом.

– Дэн, это – Вика, моя... подруга, – с трудом подобрала я слово. Учитывая нашу разницу в возрасте, это оказалось делом непростым.

– Та самая Вика? – переспросил сын.

– Да, та самая, – подтвердила я.

Мне все же пришлось рассказать семье о том, что я участвовала в расследовании отравления моей школьной подруги наравне с ОМР, в котором состояла и Вика³. Правда, я постаралась сократить информацию до минимума: по моему, сын и мама считали сию организацию чем-то вроде тайного ордена – типа иллюминатов или розенкрейцеров. Мои родные как будто пропустили мимо ушей слова о том, что Отдел медицинского расследования учредил губернатор города и что он действует на совершенно законных основаниях. Думаю, втайне мама надеялась, что больше никогда не услышит об этой группе, а потому сейчас рассматривала Вику, нахмурив брови. Ей никак не мог понравиться ультрасовременный «прикид» девушки и ее прическа, а подтвержденная принадлежность к ОМР только доказывала, что Вика может представлять реальную опасность для нашей семьи.

– О, вы... обедаете? – сконфузилась девушка, увидев гренки на столе и мельком взглянув на часы. – Извините, что помешала...

– На самом деле мы завтракаем, – сообщил Дэн. – У мамы было ночное дежурство, а в такие дни завтрак у нас поздний. Присоединишься?

– С удовольствием! – тут же согласилась Вика, и сынуля услужливо пододвинул ей стул.

Мама одарила меня многозначительным взглядом, но, к счастью, не сказала ни слова. Все время, пока мы ели, Вика трещала о всякой всячине – о погоде, о компьютерах, об экзаменах в университете и своей дипломной работе.

– Ты *заканчиваешь* университет? – не поверил своим ушам Дэн.

³ Подробнее об этом можно прочитать в романе И. Градовой «Коктейль Наполеона». Издательство «Эксмо».

Разумеется: он-то наверняка думал, что наша гостья школьница, потому что она выглядит лет на четырнадцать, а никак не на свои девятнадцать.

– Ага, – просто кивнула Вика. – Вот все думаю – идти в аспирантуру или нет? Вы как думаете, Агния?

– Она что, ребенок-гений? – спросил Дэн, вопросительно глядя на меня.

– Вроде того, – улыбнулась я. Не знаю почему, но мне было на удивление приятно видеть Вику на своей кухне, за общим столом.

– Конечно, идти, – сказала я, обращаясь уже к девушке. – Наука – это твое, так что не упusti свой шанс.

– Нет, – вздохнула та, положив надкушенный гренок на тарелку, – мое – это компы. Но предки... Они меня никогда не поймут!

– Ты не рассказала родителям, что ушла из медицинского? – уточнила я.

– Не-а, – протянула Вика, опустив глаза. – Андрей Эдуардович ругается, но я... я просто не знаю, как сказать... В любом случае, – внезапно повеселев, добавила девушка, – они уехали в отпуск – на целый месяц, так что пока можно вздохнуть свободно!

– А ты, значит, в компьютерах разбираешься? – спросил Дэн.

– Пожалуй, слабо сказано, – усмехнулась я. – Она – просто чудо!

Вика приняла комплимент сдержанно: девушка и так знала все, что я могла сказать.

– У меня «Виндоуз» подвисает... – снова подал голос сынуля. – Не посмотришь?

– Можно, – кивнула Вика.

Не успела я отреагировать, как сын с девушкой выскочили из кухни.

– Тебе не кажется, что девочка немного... странная? – спросила мама, понизив голос.

– А кто из нас не странный, мама?

Разобравшись с компьютером, дети вернулись. Я видела, что Вика хочет что-то мне сказать, но присутствие Дэна и мамы мешает ей.

– Я тут хотела пройтись по магазинам... – задумчиво произнесла я. – Вика, не хочешь составить мне компанию?

– Разумеется! – обрадовалась девушка, вскакивая на ноги.

– А мне можно с вами? – вдруг спросил Дэн.

Я чуть со стула не свалилась. Обычно не знаю, какие попытки следует применить, чтобы затащить моего сына в магазин, а сейчас он сам предлагает нас сопровождать?!

– Ну, у вас же сумки будут тяжелые... наверное, – предположил он неуверенно.

– Нет, Дэн, ничего не выйдет, – ответила Вика, заметив мою растерянность. – Нам, девочкам, мальчики только помешают, понимаешь? Мы будем долго бродить, зависать у прилавков, примерять шмотки... Скука, в общем!

Слова девушки прозвучали как решительный отказ, и настаивать Дэн не стал – гордость не позволяла. Но я видела, что Вика, несомненно, произвела на него большое впечатление – как своей необычной внешностью, так и, судя по всему, тем, что читала компьютер, словно открытую книгу. С такими девушками Дэну еще ни разу не приходилось сталкиваться, и это не могло его не заинтриговать.

– Уф-ф, слава богу! – воскликнула Вика, как только мы вышли из дома. – Теперь и поболтать можно. Я машину оставила за углом: у вас тут просто яблоку негде упасть. Вам правда надо в магазин, или вы решили так «отмазаться» от родичей?

– Именно «отмазаться», – призналась я.

– Это хорошо. Терпеть не могу шопинг!

– Я так понимаю, – начала я разговор, когда мы разместились в машине девушки, – что тебя прислал наш общий знакомый?

– Нет, – покачала головой Вика. – Андрей Эдуардович только просил с вами связаться, а нагрнуть к вам – целиком и полностью моя идея. Вы уж извините, Агния, но мне страсть как хотелось посмотреть, как вы живете!

– Ну, и как?

– Отпад: мама – королева кухни, сын – талантище. Дэн показал мне некоторые свои работы – это что-то! Я, конечно, в живописи не сильна, но кое-что понимаю.

– Так что Андрей Эдуардович? – перевела я разговор на прерванную тему.

– У нас новое дело. В смысле, у нас каждый раз новое дело, но это – совсем другой случай!

– В самом деле? – подняла я одну бровь. – И что в нем такого необычного?

– Что вам известно о Светлогорской больнице, Агния?

Задавая вопрос, девушка пристально смотрела на меня. Я не смогла выдержать ее взгляд и опустила глаза. В любой среде есть вещи, говорить о которых не принято – в силу разных обстоятельств. Светлогорская больница относилась как раз к таким темам. Врачи знают, какие больницы в городе считаются «хорошими», а какие – «плохими», и дело тут не в том, что в первых работают хорошие специалисты, а в последних – нет. «Хорошие» больницы – те, где не процветают взяточничество и коррупция, где пациенты получают надлежащее лечение и, в большинстве своем, выздоравливают. «Плохие» же – те, где больные умирают. И Светлогорская больница относится именно к таким. Она известна тем, что туда свозят стариков и одиноких людей со всего города – тех, кого считают «неперспективными» пациентами. «Неперспективный» пациент не в состоянии не только оплатить операцию или лечение, но и дать медсестре денег за укол или нянечке – за то, чтобы его, например, после операционного вмешательства или инсульта переворачивали во избежание образования пролежней. Таким образом, не обладая средствами, а значит, не получая должного ухода, «неперспективные» пациенты недолго обременяют персонал больницы своим жалким существованием – они просто отправляются в мир иной. Многие пациенты также знали о том, что творится в Светлогорке, а потому были готовы платить любые деньги врачам «Скорой помощи» только за то, чтобы их везли куда угодно, только не туда.

– Вижу, вы в курсе, – кивнула Вика удовлетворенно.

– Неужели кому-то наверху пришла в голову идея навести там порядок? – изумилась я. – Столько лет никому не было до этого никакого дела!

– Андрей Эдуардович полагает, что и сейчас нет, – вздохнула Вика. – Однако новости о том, что наш Отдел успешно работает в сфере медицинских расследований, постепенно распространяются, и все больше народу обращается к нам. Комитет здравоохранения проводил несколько проверок в Светлогорке, но их документы в полном порядке, а кроме бумаг, они ничего не касались. Со стороны все выглядит достойно и прилично. Не секрет же, что все государственные больницы финансируются плохо, а потому их материальная база в целом находится в упадке. Так что прицепиться не к чему.

– Но...

– «Но»? – переспросила Вика.

– Думаю, раз вообще этот разговор возник, Андрей Эдуардович так не считает.

– Вы правы, – хитровато улыбнулась девушка. – Но у Комитета связаны руки, а вот у ОМР – совсем наоборот. Мы можем действовать в обход всех официальных инстанций, чтобы получить необходимые сведения. И поэтому Андрей Эдуардович хотел бы лично встретиться с вами.

– Со мной?! А я-то какое отношение имею ко всему этому?

– Он мне не сказал, – покачала головой Вика. – Но его инструкции в отношении вас были абсолютно прямыми: Андрей Эдуардович хочет договориться с вами о встрече в любое удобное для вас время. Да! – стукнула себя по лбу, словно вспомнив о чем-то важном, девушка. – Он

еще добавил, что я должна убедить вас связаться с ним в течение двух-трех дней – до того, как вы официально уйдете в отпуск.

Отлично! Значит, «в любое удобное для меня время», но «в течение трех дней»? Андрей Эдуардович, оказывается, и про мой отпуск знает! Да чему я, собственно, удивляюсь: за то недолгое время, что мы знакомы с Лицкявичусом, ему удалось убедить меня в своих почти сверхъестественных способностях. Где он черпал информацию, оставалось для меня полнейшей загадкой.

* * *

Я подъезжала к дому главы ОМР второй раз в жизни, все на той же маршрутке, ходившей из центра города. Меня так разозлил тот факт, что Андрей Эдуардович подослал ко мне Вику, не потрудившись даже позвонить лично, что я решила так же, без предупреждения, нагрянуть к нему и высказать все, что о нем думаю. Я выбрала субботний вечер, надеясь застать Лицкявичуса на месте. Неожиданность визита была призвана стереть маску самодовольства с его красивой, породистой физиономии, а мой отказ принимать участие в его комбинациях – поставить его в неудобное положение и усомниться в собственных способностях. Конечно, я могла бы просто проигнорировать приглашение на встречу и не отвечать на звонки Вики или любых других членов ОМР, но, с другой стороны, мне хотелось видеть лицо Лицкявичуса, когда я буду произносить отказ.

К моему удивлению, охранник у шлагбаума, отделяющего коттеджный поселок, где жил глава ОМР, от шоссе, не стал спрашивать у меня ни имени, ни документов. Узнав, к кому я направляюсь, он лишь широко улыбнулся и пропустил за ограждение. Подходя к дому, я поняла, почему парень повел себя так странно: у ворот скопилось около двух десятков автомобилей. Каких только марок здесь не было – от самых дорогих, типа «Лексус» и «Порше», до простеньких «семерок» и «девяток». Очевидно, я неправильно выбрала время для неожиданного визита!

Раздумывая, стоит ли входить в дом, я заметила, что к чугунной ограде приближается мужчина в футболке и потертых джинсах, в котором тут же узнала Раби, домоправителя Лицкявичуса. Бежать, кажется, было уже поздно.

– А-а! – с непонятной для меня радостью в голосе протянул он, распахивая ворота. – Красивый женщин из больница! Как раз в хороший время – праздник у доктор, народ много!

– Да, я уже заметила, – пробормотала я, проходя в ворота.

В мой первый визит сюда Раби кормил меня восточными сладостями. Мне понравился этот веселый таджик, который, несмотря на то что работал на Лицкявичуса, позволял себе гораздо больше, чем в подобных случаях могут позволить себе служащие.

– А что за праздник? – поинтересовалась я.

– Хозяин пятьдесят год исполнился, вот как.

– Ух ты! – выдохнула я и затравленно оглянулась на ограду. Такая дата предполагала наличие у меня подарка, которого не было и в помине. Более того, вламываться на празднование юбилея с той целью, какую я себе поставила, казалось в высшей степени невежливым, если не сказать грубым.

– Может, я лучше... – забормотала я.

– Хозяин будет рада! – во весь рот улыбнулся Раби, слегка подталкивая меня в сторону дома. – Давай-давай, ходи!

И я пошла, чувствуя себя полной идиоткой. Нет, воистину, сюрпризы – не мой конек. Надо было позвонить и договориться о встрече.

Как только Раби распахнул передо мной дверь, мне под ноги кинулся огромный мраморный дог, знакомый по первому визиту. Я уже знала, что пес безобиден, и потрепала его по

холке. В большом холле, являвшемся одновременно гостиной, раздавались громкие веселые голоса и звон бокалов. Я обернулась, ища глазами Раби, но тот чудесным образом испарился, и я поняла, что осталась совершенно одна посреди чужого праздника. Невозможно представить себе более неудобной ситуации!

Пока я в нерешительности мялась в прихожей, из маленького помещения справа от лестницы на второй этаж вышел молодой мужчина, тяжело опирающийся на трость. Он был довольно высок и сложен, как тяжелоатлет, – с мощной шеей и буграми мышц, заметными даже под формой военного медика. В то же время лицо его, немного мальчишеское, производило приятное впечатление – словно перед вами огромных размеров ребенок. Темные, коротко постриженные волосы мужчины слегка топорщились на макушке, а карие глаза с любопытством меня разглядывали.

– Здравствуйте! – сказал он, делая шаг в моем направлении. – Вы – тоже гостя Андрея Эдуардовича?

– Э-э... похоже, что так, – ответила я. – Меня зовут Агния.

– Я – Никита, – обезоруживающе улыбнулся мужчина. – Приятно познакомиться.

Мой взгляд упал на его широкую грудь, украшенную несколькими орденами или медалями – я особенно в них не разбираюсь.

– А чего в коридоре стоите? – поинтересовался Никита.

– Да я тут... в общем...

И в тот момент в арке, отделяющей прихожую от холла, где происходило веселье, появилась высокая, сухопарая фигура Лицкявичуса. Как и Никита, он был облачен в военную форму и с таким «иконостасом» на груди, что у меня непроизвольно расширились глаза – по сравнению с этим несколько наград на мундире Никиты выглядели бледновато.

– А-а, Агния! – усмехнулся глава ОМР. – Я вас ждал.

– Ждали? – не поверила я. – Откуда вы знали, что я приеду?

– Ну... – Андрей Эдуардович вздохнул, одергивая мундир, словно обнаружив на нем незаметные обычному человеческому взгляду складки. – Вы дама непредсказуемая, а потому нетрудно было предположить, что решите сделать мне... как бы помягче выразиться... сюрприз.

Никита только крутил головой, переводя взгляд с меня на Лицкявичуса и обратно.

– Может, мы все-таки пройдем в комнату? – предложил он неуверенно.

– Нет, – быстро ответила я, пятясь к двери, – я, пожалуй, пойду.

– Нет уж, вы, пожалуйста, оставайтесь! – передразнивая мой тон, возразил Лицкявичус. – Иначе Никита подумает, что я плохой хозяин.

– Но я... У меня нет подарка! – выдала я глупейшую причину для ухода с праздника.

– Одно ваше присутствие, Агния, – уже подарок. Правда, Ник?

В голосе Андрея Эдуардовича, как обычно, звучал сарказм, и бедный Никита тяжело соглотнул, не понимая, что ему следует отвечать.

– Прощу! – сделал широкий жест рукой Лицкявичус, и я поняла, что у меня нет выхода.

Войдя в ярко освещенную гостиную, я на мгновение ослепла – от света, сияния хрусталя на большом овальном столе, но самое главное, от блеска орденов и медалей на мундирах присутствующих. Самое ужасное, я сразу поняла, что являюсь *единственной* женщиной среди всех этих потрясающе красивых в своей военной форме офицеров! Возраст их варьировался, по моим прикидкам, от тридцати до шестидесяти. Я почувствовала себя очень плохо: все они при параде, начищенные до блеска, а я – в джинсах и футболке, как будто собралась по грибы... Господи, ну почему мужикам так идет форма? И почему у нас, баб, так кружится голова, стоит нам увидеть погоны?

Разумеется, все тоже заметили мою принадлежность к противоположному полу, и глаза мужчин в зале устремились на меня. В некоторых взглядах я прочла удивление, и таких, надо сказать, было большинство. В других – одобрение, подозрение и... понимание?

– Андрюша! – воскликнул пожилой полковник (или подполковник?), разведя руки, в одной из которых держал бокал, а в другой бутылку с шампанским. – А ты говорил – будут только мальчики. Но это даже к лучшему: без дам, знаете ли, милая барышня, как-то скучно!

– Ты нас не представишь? – спросил более молодой офицер с «боцманской» бородой.

Лицкявичус спокойно представил меня обществу, а мне оставалось лишь надеяться, что я выгляжу достойно и не краснею, хотя щеки мои горели.

– Присоединяйтесь, Агния, – мягко предложил Никита. Судя по всему, парень решил взять надо мной шефство, видя напряжение между мной и хозяином дома. Он взял со стола бокал и буквально вложил его мне в руку.

– Конечно, присоединяйтесь, – кивнул Лицкявичус. И, наклонившись к моему уху, шепнул: – Раз пришли, держите фасон, мадам!

Он говорил со мной, как строгий, но снисходительный отец мог бы разговаривать с непослушной дочерью.

По прошествии времени ко мне пришло понимание того, что я давно не проводила время так хорошо, как на празднике, на который меня никто не приглашал. Мужчины на удивление быстро привыкли к моему присутствию и вели себя совершенно естественно. Они шутили, смеялись, а потом разговор плавно перетек на военные темы. Заговорили об Афганистане, где, очевидно, довелось служить самым старшим из присутствующих, о Южном Йемене, о Чечне и совсем еще недавних событиях в Южной Осетии. Меня захватили их рассказы, и я вся обратилась в слух. Так странно казалось слышать «живые» истории о том, что я знала лишь по документальным фильмам и некоторым книгам, принадлежащим отцу, обожавшему военные мемуары. Эти люди являлись не просто очевидцами, но и участниками военных действий. Насколько я поняла, большинство из гостей Лицкявичуса принадлежали к братии военврачей, но были и люди из спецназа, парашютно-десантных и мотострелковых войск. Почти любой тост, произносимый за столом, начинался со слов, обращенных к Лицкявичусу: «А помнишь...»

– А помнишь, Андрюха, – сказал «боцман», – как ты мне фурункул вырезал?

– Да как не помнить, Денис! – усмехнулся Лицкявичус. – Ты был так пьян, что не чувствовал боли, а я все боялся, что в самый ответственный момент ты задержась, и я отрежу тебе нос к чертовой матери.

– А я заснул прямо на операционном столе! – подхватил Денис.

Наконец пришла очередь Никиты. Он тяжело поднялся и взял в руки бокал.

– Давай, малыш! – подбодрил его один из старших офицеров. – Скажи стишок! Или спой.

– Спою, – улыбнулся Никита. – Обязательно спою, но попозже. А сейчас я хочу выпить за замечательного человека, которого мне выпала честь знать.

Я заметила, что Лицкявичус отвел глаза в сторону, словно не хотел слышать того, что собирался произнести Никита.

– И я хочу сказать, – продолжал парень, словно не замечая реакции юбиляра, – что прекрасно помню: только благодаря дяде Андрею я остался при двух своих ногах!

– Да брось ты... – попытался прервать его Лицкявичус, но «боцман» предупреждающе взмахнул рукой:

– Дай пацану сказать!

– И я не один такой, – с благодарностью кивнув ему, продолжал Никита. – Нас много – тех, кто не стал калеками только потому, что ты оказался рядом. Там... в общем, там не сильно обращали внимание на потери, а ноги и руки летели «в корзину» только так... Остался раненый жив – и слава богу, а о том, как он будет на гражданке на хлеб себе зарабатывать,

никто и не думал – не до того было! А ты и об этом не забывал. Поэтому я пью за тебя и... В общем, за тебя!

И Никита осушил бокал одним махом. Его примеру последовали все остальные.

Через некоторое время большинство мужчин вышли покурить на свежем воздухе, а Лицкявичус пригласил меня в кабинет.

– Вы уж простите меня за неожиданный визит, – пробормотала я, едва он закрыл за нами дверь. – Я не хотела...

– Все в порядке, – отмахнулся Андрей Эдуардович. – Я же сам передал через Вику, что жду от вас известий в любое время.

– Мы можем поговорить и завтра, – предложила я. – У вас гости...

– Наша беседа много времени не займет, – перебил Лицкявичус. – Что рассказала вам Вика?

Я в двух словах передала содержание нашего разговора, закончив следующими словами:

– Но Вика не сказала, что вы хотите *от меня*.

– Верно. Вика не в курсе. На самом деле никто не в курсе. Вы ведь идете в отпуск, я правильно понимаю?

– Правильно, – кивнула я, с подозрением глядя на собеседника. – А что?

– Есть планы?

– Наполеоновские! – соврала я. Собственно, зачем ему знать, что все мои планы с Шиловым накрылись медным тазом.

– А именно? – уточнил Лицкявичус.

И я поняла, что не смогу быстро придумать ничего правдоподобного. Черт, надо лучше готовиться к встречам с этим человеком! А я, вместо того чтобы продумать каждый свой шаг, притащилась к нему домой в самый неожиданный момент... и теперь он поставил меня в тупик своим вопросом.

– Почему вы интересуетесь? – спросила я, не отвечая.

– Потому что у меня есть для вас дело. Если, разумеется, вы никуда не уезжаете.

Мне бы встать и уйти – прямо сейчас, но Лицкявичусу уже удалось меня порядком заинтриговать. Проклиная свой дурацкий характер, я осторожно сказала:

– Предположим – чисто гипотетически! – что я никуда не еду. Что вы хотели предложить?

– Я хочу вам предложить провести отпуск в рабочем режиме, – спокойно ответил глава ОМР, пристально глядя на меня своими прозрачными, почти немигающими голубыми глазами.

– То есть?

– Вам предстоит устроиться на работу в Светлогорскую больницу. Всего на месяц! – добавил Лицкявичус, заметив, что я собираюсь возмутиться такой наглости – надо же, он сказал «предстоит», словно я уже на все согласилась! Да кому придет в голову променять свой законный отдых на работу?!

– Все уже устроено, но мне требовалось переговорить с вами, – невозмутимо продолжал Лицкявичус, делая вид, что не замечает выражения моего лица.

– Значит, все уже *устроено*? А почему вы решили, что я соглашусь? Это же... полный нонсенс!

– Потому что я, как мне кажется, неплохо вас изучил. Вам нравится риск и небезразлична справедливость. Вы достаточно умны...

– Вот уж спасибо! – всплеснула я руками, хотя и не уловила сарказма в слове «достаточно», произнесенном главой ОМР.

– ...и инициативны, – закончил он фразу. – И еще вы – единственный человек, который свободен в предстоящие тридцать дней и на которого я могу положиться, потому что видел вас в деле.

«Видел меня в деле»... Да я жизнь ему спасла! Но, конечно же, Лицкявичус не из тех, от кого можно дожидаться благодарности.

– Вы устроитесь в Светлогорку медсестрой...

– Что?! – прервала я его, подпрыгнув на стуле. – Медсестрой?! Я, дипломированный врач, кандидат...

– Знаю-знаю, – не дал мне закончить Лицкявичус. – Но нам в этом деле не нужен кандидат медицинских наук, Агния Кирилловна. Нам нужна обычная медсестра... ну, не совсем обычная, а... короче, нам нужен такой человек, которому хватило бы образования оценить ситуацию с точки зрения врача-специалиста, а также такой, который смог бы передвигаться по всей больнице без риска. Потому что, увидев перед собой медсестру, все станут думать, что она относится к младшему медицинскому персоналу и, следовательно, не стоит внимания.

Я поняла: дальше придираяться к словам бесполезно – Лицкявичус их не выбирает. И не мне его учить. Уже поздно, мужчине исполнилось пятьдесят!

– И что же именно я должна узнать?

Лицкявичус слегка кивнул и выдвинул ящик стола. На столешницу легла кожаная папка средней толщины, из которой глава ОМР извлек пачку фотографий.

– Эти люди пропали без вести, – сказал он, раскладывая снимки так, чтобы я могла их хорошо разглядеть. – Они никак не связаны между собой – даже не знали друг друга, не жили по соседству, не имеют общих родственников и друзей. Более того, исчезли они в разное время, некоторые – довольно давно. Лишь одно у них общее: все пропавшие – пожилые и одинокие. Есть подозрение, что...

– Ой, а вот ее я знаю! – воскликнула я, прежде чем Лицкявичус успел закончить предложение. В руках я держала фотографию женщины, которую привезли в ночь обрушения подъезда – той самой, что сейчас лежала в коме в моем отделении.

На немой вопрос Лицкявичуса я ответила коротким рассказом об обстоятельствах встречи с потерявшей.

– Значит, вы знаете, кто она? – спросила я, закончив. – А мы-то голову ломали! Ведь никаких документов при ней не обнаружили, да и из одежды на женщине были только халат и тапочки...

– Это Александра Орбах, – пояснил глава ОМР, забирая у меня снимок и внимательно вглядываясь в него, словно видел впервые.

– Ор... Погодите, *та самая* Орбах?! – не поверила я.

Лицкявичус только кивнул. Господи, ну конечно же! Так вот почему лицо пациентки показалось мне смутно знакомым! А ведь было время, когда оно практически не сходило с экранов: я, можно сказать, выросла на фильмах с участием актрисы: их очень любил папа, и у нас дома было полно видеокассет. И, опять же, телепередача о пропавшей актрисе – не слишком ли много совпадений?

– Так это ее квартиру разграбили?

– Совершенно верно, – кивнул Лицкявичус. – В прокуратуре полно дел, связанных с пропажей стариков. Следов – никаких, старики исчезли, следователи откладывают папки в долгий ящик. А вот с Орбах вышла интересная история. Родни у нее нет, но есть друзья. Именно они забили тревогу, когда женщина внезапно перестала отвечать на телефонные звонки и открывать дверь. Квартиру вскрыли в присутствии участкового, и выяснилось, что она практически пуста: нет ни икон, ни картин – а у актрисы была довольно ценная коллекция русских художников восемнадцатого века, – ни серебряной и золотой посуды. Друзья знали, что в последние годы, начав испытывать нужду и поняв невозможность существования на маленькую пенсию, Орбах стала потихоньку распродавать раритеты. Однако не могла же она избавиться от такого количества антиквариата за какие-нибудь две-три недели! Кроме того, куда женщина сама-то делась? Воры действовали очень тихо, а когда уходили, аккуратно закрыли дверь, чтобы ни у

кого и мысли не возникло о том, что квартиру вскрывали. Отсюда вывод: взломщики не только знали, что Орбах будет долго отсутствовать, но и хотели, чтобы кража как можно дольше оставалась тайной.

– А ОМР-то каким боком оказался замешан в это дело? – удивилась я. – Разве оно не в ведении милиции или прокуратуры?

– Но ведь тут речь идет о Светлогорской больнице. Видите ли, туда доставили одну старушку с гипертонией, а потом, выписавшись, она утверждала, что видела пропавшую Орбах и даже с ней разговаривала. Актриса-то вроде бы говорила, будто за ней следят и не дают ей свободно передвигаться, и просила ту женщину передать записку своей подруге.

– Так передала старушка записку-то?

– Нет. К сожалению, больше они с Орбах не виделись.

– Не понимаю, – пробормотала я, – каким образом можно держать пациента в больнице, если он того не желает? Клиника ведь не психушка!

– И я не понимаю, – согласился со мной Лицкявичус. – Та пациентка, в конце концов, могла и ошибиться...

– Но вы в этом сомневаетесь? – предположила я.

– Есть причины. Светлогорка в последнее время слишком часто фигурирует в докладах «наверху». Даже главврача сняли и нового поставили, но все равно проблем хватает. Больница сама по себе старая, хорошего оборудования туда уже лет сорок не поставляли, как и мебели. Там койки, наверное, ровесницы Орбах! Вот и везут туда стариков, за которых некому заступиться, – умирать. Помощи дельной им все равно оказать не в состоянии, но везти же надо куда-то.

– А как по бумагам? – поинтересовалась я. – Пропавшие старики в них значатся?

– Вот за тем-то вы мне и нужны, Агния Кирилловна! Дело в том, что исчезновение людей и Светлогорку пока никак не связали воедино: дела находились в ведении разных следователей и уже, наверное, похоронены. Вы же знаете, как у нас ищут пропавших.

– А как?

– Да никак! – развел руками Лицкявичус. – Если кто придет и доложит, что, мол, видел человека там-то и там-то, тогда его, возможно, и найдут, а вот с поисковыми собаками что-то никто не бегаёт. Если бы не слова той женщины, что видела Орбах... В общем, скажем так: покопаться в Светлогорке следовало уже давно, причем не в составе официальной комиссии, а изнутри – только так можно выяснить, что там на самом деле происходит. Поэтому нам и нужен «крот».

– Кто-кто? – не поняла я.

– Ну, тот, кто не вызовет подозрений, кого сочтут за своего. А потому наш человек сможет проникать туда, куда посторонним, как говорится, вход воспрещен.

– Ясно, – вздохнула я. – И вы почему-то решили, что «кротом» должна стать я.

Лицкявичус промолчал, но все и так было предельно ясно. И, несомненно, мне следовало сказать «нет» – прямо сейчас, пока глупая авантюристка внутри меня не проснулась окончательно и не заинтересовалась этим делом.

– Ну, – поднимаясь со своего места, произнес Лицкявичус, – вы знаете, как связаться со мной. А теперь, если не возражаете, выйдем к гостям: они уже, наверное, думают о нас бог знает что!

Я почувствовала, что снова заливаюсь краской стыда. Ведь кое-кто из присутствующих с самого начала, похоже, счел нас с Лицкявичусом любовниками. Иначе зачем, скажите на милость, женщина вдруг приперлась бы на празднование юбилея, став единственной представительницей противоположного пола?

Открыв дверь кабинета, я сразу же услышала музыку. Звучала гитара, а я, надо сказать, с юных лет неровно дышу к данному инструменту. Скрипка, пианино неизменно оставляют

меня равнодушной, но вот гитара... Нет, сама я играть не умею, да и мой музыкальный слух оставляет желать лучшего, но я обожаю, когда другие поют, аккомпанируя себе на гитаре. Это буквально сносит мне крышу! И сейчас, увидев, как Никита, сидя в кругу однополчан Лицкявичуса, выводит одну из военных песен, я почувствовала, что ноги мои приросли к полу, и вся обратилась в слух. Голос у парня оказался на удивление мелодичным, а присутствующие, явно знавшие слова, тихо подпевали.

Только ты, кукушка, погоди
Мне дарить чужую долю чью-то:
У солдата Вечность впереди,
Ты ее со старостью не путай!

* * *

Предложение Лицкявичуса не давало мне покоя всю ночь. Я думала о своей соседке Нине Максимовне, пропавшей после того, как «Скорая» приехала к ней по вызову. В свой последний рабочий день я сходила в реанимационную палату, где лежала Александра Орбах. В ее состоянии никаких изменений не произошло. И что же, спрашивается, мне делать в такой ситуации – наплевать на все и уйти в отпуск?

Я позвонила Лицкявичусу в половине второго ночи. И он назначил встречу на следующий день, назвав адрес, куда мне предстояло подъехать.

Андрей Эдуардович появился ровно в обозначенное время, а вот я, вопреки своему обыкновению всегда опаздывать, примчалась на пятнадцать минут раньше и расхаживала взад-вперед около упомянутого главой ОМР дома.

– Давайте поднимемся, – предложил он, подходя и вытаскивая из кармана связку ключей.

– Поднимемся – куда? – спросила я. – Что вообще происходит? Куда мы приехали?

– Сейчас все расскажу.

Мы поднялись на лифте на десятый этаж обычного типового дома из светлого кирпича. Открыв дверь, Лицкявичус слегка подтолкнул меня вперед.

– Чья это квартира? – спросила я, оглядывая маленькую аккуратную прихожую.

– Ваша.

– Что-о?!

– По крайней мере, на предстоящий месяц, – пояснил Лицкявичус.

– Ладно, – вздохнула я. – А на самом деле чья?

– Это вам знать вовсе необязательно, – спокойно ответил он, проходя в гостиную, обставленную мебелью из магазина «ИКЕА».

– Как-то не чувствуется женской руки, – заметила я. – Здесь определенно живет мужчина.

– Будем надеяться, что вам не придется никого приглашать к себе домой. Главное – у вас есть «легенда» и жилье, к которым не придерешься при всем желании.

– «Легенда»? – заинтересовалась я. – Как у Штирлица?

– Ну, можно и так сказать, – кивнул глава ОМР. – А скорее, как у Маты Хари.

– И что за легенда?

– Вы – Анна Дмитриевна Евстафьева, одинокая медсестра, разведенная, без детей. Работали в нескольких больницах...

– А почему обязательно одинокая и без детей? – удивилась я.

– Мы, конечно, могли бы подобрать вам подходящего мужа и парочку ребятишек, но на это, Агния Кирилловна, ушла бы уйма времени, – с сарказмом проговорил Лицкявичус.

чус. – Кроме того, ничто не должно отвлекать вас от работы, тем более – знакомство с новой «семьей».

– Я вовсе не имела в виду...

– Да знаю я, что вы имели в виду! – по своему обыкновению прервал меня Лицкявичус. – Общаться с сыном и матерью вам придется по минимуму: лучше, если они станут думать, будто вы и в самом деле уехали в отпуск. Я воспользовался услугами агентства «Алиби».

– Того самого, что придумывает истории, дабы усыпить бдительность жен, когда мужа якобы отправляют в командировку, а сами проводят время в компании любовниц?

– Да. И еще они создают много других «легенд». Для всех вы едете в месячный круиз по странам Скандинавии. Фотографии и сувениры прилагаются.

– А почему именно по Скандинавии? – удивилась я. – Почему не в Турцию, например?

– Да потому, Агния Кирилловна, что средиземноморский загар вам пришлось бы где-то восполнить, что связано с новыми проблемами. Так что Скандинавия. Кстати, – добавил Лицкявичус, указывая на книжный шкаф, – здесь есть подборка брошюр и путеводителей – советую изучать на сон грядущий.

– К чему такая секретность? – спросила я. – Разве Дэн и мама не могут...

– Не могут! Дело в том... В общем, если мы правы, то вас могут проверить. И тогда ваши встречи с родней будут выглядеть... по меньшей мере странно.

– Хорошо-хорошо, – развела я руками. – А что еще мне следует знать о «себе»?

– Вас уволили из больницы Святого Георгия из-за того, что вскрылась недостача лекарственных препаратов. Да, а еще вы привлекались к суду по обвинению в халатности – по вашей вине погибла пациентка, но вам повезло с адвокатом, и вы получили условный срок, даже не были лишены права на медицинскую практику...

– Суд?! – взвизгнула я. – И вы считаете, что меня примут на работу в Светлогорскую больницу с таким «замечательным» послужным списком?

– На самом деле вы *уже* приняты, – ответил Лицкявичус. – В отделе кадров лежат «ваши» документы – паспорт, трудовая книжка и заявление. Вам нужно лишь явиться туда, в неврологическое отделение, в понедельник и приступить к своим обязанностям. Вот и все.

– Погодите! – замахала я руками. – Вы же говорили, что меня могут проверить. Разве главврач возьмет на работу медсестру, которая, возможно, убила человека?

– О, мы даже надеемся, что вас проверят! – усмехнулся Лицкявичус. – А иначе зачем было так стараться, создавая вашу «новую» жизнь?

– Но... Я не понимаю!

– Агния Кирилловна, нечистоplotная медсестра – настоящая находка для столь же нечистоplotных коллег. Но только хорошенько запомните: вы ни в коем случае не должны рисковать и изображать из себя разведчика времен Второй мировой. Ваше дело маленькое, а именно: попытаться выяснить, не содержится ли кто-то из пропавших пенсионеров в одном из отделений больницы. Если в данный момент этих стариков нет, то постарайтесь узнать, не проходили ли они через Светлогорку и куда потом делись. Там должны быть либо записи, либо компьютерные данные, и вы попробуйте их отыскать. И еще одно. Слушайте во все уши и смотрите во все глаза: вполне возможно, вам удастся нарыть какой-нибудь компромат на работников больницы. В клинике точно происходят странные дела, даже, пожалуй, темные, но без информации мы ничего не можем сделать.

Напоследок Лицкявичус протянул мне пачку фотографий, которые показывал вчера.

– Запомните эти лица – может пригодиться впоследствии. А пока вам следует вернуться домой и сказать, что вы уезжаете посмотреть на водопады, ледники и все такое. Вопросы есть?

* * *

– Что-то я не пойму, к чему такая спешка? – только развела руками мама, когда я сообщила ей о своем решении. – Ты сегодня в отпуске первый день, даже не успела это почувствовать, а уже срываешься. Кроме того, мне показалось, ты раздумала ехать, ведь Олег не может тебя сопровождать, и...

– Мама, ну где еще я смогу по-настоящему *почувствовать*, что и в самом деле отдыхаю, если не в путешествии? – как можно мягче прервала ее я. – Что же мне теперь, просидеть целый месяц взаперти только потому, видите ли, что Шилов не сумел вырваться с работы?

– Да я же не говорю, чтоб ты сидела дома, но так сразу...

Дэн воспринял мой «липовый» отъезд спокойно и даже предложил помочь собрать чемодан. Правда, сынуля через несколько минут забыл о своем порыве и умчался куда-то с приятелями, а собираться мне помогала мама – как всегда. Я чувствовала себя чертовски виноватой перед ней, ведь врала собственной матери, но Лицкявичус строго-настрого потребовал, чтобы я держала язык за зубами.

Когда поздно вечером в воскресенье за мной приехало такси, чтобы якобы отвезти в аэропорт, я расцеловала маму и Дэна, постаравшись не затягивать процедуру. Теперь о том, что я нахожусь в городе, будут знать всего несколько человек, и моих самых близких людей, по странной иронии судьбы, среди них не окажется...

– И все-таки зря ты не попросила Славу отвезти тебя, – покачала головой мама, стоя у двери машины. – Он бы не отказал!

Это уж точно – мой бывший супруг ни за что не отказался бы от возможности в очередной раз замолить грехи, накопившиеся за те два года, что я барахталась в его проблемах совершенно одна. Только вот мне его присутствие было совершенно не нужно, ведь тогда пришлось бы и в самом деле ехать в аэропорт. Потому что как бы я могла объяснить Славке, что мне требуется совершенно в другую сторону? Хорошо еще, удалось убедить маму и сына не провожать меня на ночь глядя. Только бывшего мужа мне сейчас и не хватало!

К счастью, по пути в «свою» новую квартиру мне никто из жильцов дома не встретился: слишком позднее время. Я прокралась от лифта к двери и дрожащей рукой открыла замок, чувствуя себя взломщицей и нарушительницей всех возможных законов. В присутствии главы ОМР мне было не совсем удобно изучать квартиру, поэтому теперь я включила свет в обеих комнатах и на кухне и принялась бродить по ним, ощупывая каждую вещь и пытаюсь привыкнуть к тому, что теперь живу здесь. Мне страшно хотелось знать, кому принадлежит это жилище. То, что его хозяин не Лицкявичус, не подвергалось сомнению – не его стиль! Однако я не обнаружила ни единого предмета, который мог бы рассказать о человеке, на самом деле жившем здесь. Ни единой фотографии или конверта! Тем не менее в книжном шкафу я нашла книги по медицине и психологии – ну, хоть что-то. Разумеется, Лицкявичус позаимствовал апартаменты у кого-то из своих коллег. На журнальном столике лежали несколько выпусков «Ланцета», медицинского журнала, всего год выходящего на русском языке. До этого нам приходилось лазить по Интернету в поисках доброй души, которая перевела бы для нас, темных людей, не владеющих иностранными языками, хоть пару-тройку статей.

Часы показывали половину первого ночи. Несмотря на то что завтра мне следовало явиться в Светлогорскую больницу к восьми часам, сна не было ни в одном глазу. Теперь я оценила предусмотрительность Лицкявичуса: он подобрал «хату» с учетом того, чтобы я могла пешком дойти до нового места работы. Это правильно, ведь в общественном транспорте я вполне могла столкнуться с кем-то из знакомых, а такая встреча в моем теперешнем положении была бы очень нежелательна! Когда я побеспокоилась насчет соседей, глава ОМР пояснил:

владелец квартиры сказал им, что сдал ее своей знакомой, которой негде жить после развода с мужем. Так что и здесь «алиби» мне обеспечили.

Я до сих пор не могла взять в толк, каким образом Лицкявичусу удалось-таки убедить меня влезть в это дело? И вот надо же – вместо того чтобы спокойно отдыхать дома, на диване у телевизора, или и в самом деле отправиться в путешествие и посмотреть мир, я сижу в чужом доме, притворяясь совершенно другим человеком, а завтра снова начну работать, причем в непривычной для себя роли – на должности медсестры, в незнакомом и, возможно, даже враждебном окружении!

Сев на неказистый с виду, но удобный икеевский диван, я разложила перед собой фотографии и включила телевизор.

* * *

Я много плохого слышала о Светлогорской больнице, но даже несмотря на это, увиденное меня потрясло. Здание оказалось старым и давно нуждающимся в капитальном ремонте. Стены все в потеках, плитка с фасада осыпалась, а о существовании стеклопакетов здесь наверняка даже не слышали. Деревянные рамы окон, не менявшиеся и не утеплявшиеся, наверное, со дня сдачи здания в эксплуатацию – в незапамятные времена! – производили жуткое впечатление. Казалось, стоит подуть мало-мальски сильному ветру, и они выпадут целиком и рухнут во двор прямо на голову незадачливым прохожим.

Внутри все выглядело даже хуже, чем снаружи. Холодный бетонный пол мгновенно заставил мои ступни замерзнуть, несмотря на неожиданно наступившую июльскую жару. Обшарпанные стены и высоченные потолки угнетали. Господи, как же здесь люди-то работают? Наверное, мне здорово повезло с больницей, раз я даже не подозревала о том, в сколь плачевном состоянии находятся некоторые городские учреждения здравоохранения! Конечно, мою больницу нельзя даже сравнивать с прекрасным, высокотехнологичным центром реконструкционной хирургии Лицкявичуса, но по сравнению с этим убожеством она казалась шедевром архитектурной и медицинской мысли.

Охранник сидел не в будке, а прямо на деревянной лавке у входа, и выглядел он так же, как и все здание, – потрепанным и помятым. Тем не менее мужчина довольно вежливо объяснил мне, как пройти в неврологию. Она располагалась на третьем этаже. Не знаю, что именно я ожидала увидеть, однако испытала некоторое облегчение: отделение, где мне предстояло работать, не повергло в шок. Да, здесь тоже все было старым и довольно ветхим, но, похоже, персонал старался хоть как-то залатать дыры и придать старости благородный вид. На полу лежал потертый ковер, прикрывавший голый бетон, а дерматиновые кресла, похоже, недавно обновлялись: на подлокотниках были аккуратно наклеены заплатки. Кроме того, вдоль стен стояли подставки с цветами, и их присутствие несколько оживляло унылую атмосферу.

– Эй, вы куда? – раздался грозный окрик у меня за спиной. По голосу даже невозможно было понять, принадлежит он мужчине или женщине.

Обернувшись, я увидела полную тетку лет шестидесяти с одутловатым лицом, в кошмарных тапочках. Насколько помню, такие перестали выпускать еще в те времена, когда я ходила в школу: они сидели на ноге, словно колодки, оставляя на линолеуме ужасающие черные полосы. У ног тетки стояло ведро с водой, а в руках она держала швабру с намотанной на нее грязной тряпкой, которая, по всей вероятности, когда-то была семейными трусами.

– Я к заведующей, – отозвалась я, притормозив.

– Новенькая сестра, что ли? – сдвинув брови, уточнила женщина.

Я кивнула.

– Так тебе к старшей сестре надо, а не к заведующей. На кой ты той сдалась-то?

– А как к ней пройти? – задала я вопрос.

– Прямо и направо. Дверь открыта – сама увидишь.

И тетка вновь склонилась над ведром. За поворотом и в самом деле обнаружилась распахнутая во всю ширину дверь, но еще не дойдя до нее, я услышала крики.

– Распустились! – вопил высокий, хорошо поставленный женский голос. – Работать ни черта не умеют, а все туда же – права качать лезут!

Прямо мне под ноги из кабинета старшей медсестры, как испуганная птица из стога с сеном, выпорхнула молоденькая девушка. Ее волосы были растрепаны, а глаза расширены и полны слез.

Господи, куда я попала?!

Осторожно постучав в открытую створку, я услышала:

– Кто там еще?

И вошла, приняв вопрос за приглашение. За столом сидела худая – ну, просто *очень* худая – женщина с изможденным лицом, хранившим, однако, следы былой красоты. Поздоровавшись, я представилась.

– А-а, новенькая? – протянула старшая медсестра, оглядев меня с головы до ног. – Ну проходи, проходи. Садись.

Положение медсестры мгновенно принижает тебя в глазах медицинского персонала любого уровня. К тебе никто не обращается на «вы», а сразу «тыкает», независимо от возраста. Что ж, придется привыкать! Шилом любит говаривать, что в буддийских монастырях унижение – первый шаг к просветлению: если ты прошел через унижение и пренебрежение, научившись стойко сносить их, то, следовательно, готов к перерождению. Посмотрим...

– Слава Богу, прислали хоть одну нормальную, а не финтифлюшку какую, – одобительно продолжала старшая медсестра. – Ну а теперь колись, что привело тебя к нам?

– В смысле? – переспросила я.

– Да ладно, не ломайся! В нашу больничку просто так не приходят – видать, в другие не взяли. Молодежь-то понятно: они с полгодика тут посидят, знакомства нужные заведут и сваливают, подыскав местечко получше. Но ты – не из их числа. Так что же привело взрослую женщину в наше заведение, куда нормальные люди не забредают?

Я лихорадочно обдумывала ответ. Лицкявичус сказал, что меня могут проверить, но старшая медсестра, похоже, была не в курсе моего послужного списка. Вернее, послужного списка Анны Евстафьевой.

– Видите ли... – пробормотала я, – мне пришлось... переехать. Совсем недавно.

– Да? – подняла тонко выщипанные брови моя собеседница. – Чего так?

– После развода.

– Так ты разведенка, значит?

Мне показалось, что на бледном лице промелькнуло выражение сочувствия.

– Муж... квартиру отсудил, – продолжила я, вспоминая «легенду», состряпанную Лицкявичусом, – и теперь мне снимать жилье приходится, а ваша больница оказалась под боком. Вот и вся история.

– Понятно, – кивнула старшая. – Знакомо до боли: все мужики сволочи! Меня зовут Марина Леонидовна Звонарева, но ты можешь называть меня Мариной. Ведь мы, кажется, одного возраста?

Я едва не поперхнулась. На мой взгляд, старшей медсестре никак не дашь меньше полтинника, но спорить я с ней не стала – это могло стать плохим началом взаимоотношений с непосредственным начальством.

– Понимаешь, – доверительно продолжала Звонарева, – присылают мне одних девчонок зеленых. Мало того что они никакой работе серьезной не обучены, так еще и нос воротят от некоторых обязанностей. Нянечек у нас катастрофически не хватает – как, впрочем, и сестер, – но это проблема повсеместная. А отделение-то тяжелое, лежачих много, после инсультов опять

же. А девочки-припевочки отказываются судно вынести или там белье сменить – не их, мол, обязанность! А кто, спрашивается, всем этим заниматься будет? Пациент у нас не денежный, сама понимаешь, – старики да старухи в основном, поэтому, чтобы «ручку позолотили», не светит. В других больницах за каждый укольчик полста рубчиков выкладывают, а за дополнительные услуги – и вообще приличные деньги, а тут... Вот потому-то никто и не задерживается здесь надолго! Ну, если палате, так сказать, повезет, попадется один молодой да относительно здоровый пациент, тот и поможет немного – сестру позовет, обед принесет да посуду вымоет. А так... Кстати, ты в курсе, что у нас с графиком творится?

Я покачала головой.

– Вообще-то смена, как везде, – сутки через трое, но из-за того, что сестричек не хватает, часто приходится выходить каждые двое суток, а то и через сутки. Ты как насчет этого?

– Да нормально, – пожала я плечами. – Лишние деньги мне не мешают.

– Вот и отлично! – радостно потерла руки старшая медсестра. – Надо бы нам поближе познакомиться, так сказать, в неформальной обстановке. Часиков в семь, скажем. Тут есть неплохой бар неподалеку...

– Да как же я с поста-то уйду?

– Не бойсь! – тряхнула головой Марина. – В это время все обычно тихо, а я тебя прикрою, попрошу Полину со второго поста присмотреть за твоими. Авось ничего за часок-другой не случится. Лады?

– Лады.

С одной стороны, мне казалось странным выпивать с малознакомой женщиной, которую лишь сегодня встретила. С другой – такое неформальное общение может дать шанс завести со Звонаревой некое подобие дружбы. Вдруг она сможет рассказать кое-что интересное, что продвинет меня на пути выяснения правды об этом странном и, пожалуй, даже зловещем местечке?

Если до сего дня я считала свою работу тяжелой, то теперь готова была взять свои слова назад: никогда раньше мне не доводилось так убежаться! Звонарева не врала, и молодые медсестры действительно пренебрегали многими из своих обязанностей. Я оказалась самой старшей по возрасту, да к тому же новенькой, а потому они преспокойно свалили на меня большую часть неприятной работы.

Отделение было забито до невозможности. Люди лежали не только в палатах на дополнительных койках, но и вдоль стен коридора. Наверное, сказывалась жара. В такое время гипертоники особенно подвержены обострению болезни, вот и оказались в клинике. Самые тяжелые, к счастью, находились в палатах, но ухаживать за ними было практически некому. Те, у кого имелись родственники, чувствовали себя более-менее сносно. Дочери и сыновья приходили порой по два раза в день, доставляли лекарства, которых не хватало, выносили судно и мыли больных. Но чаще всего они просто совали в ладошку работнице больницы сложенную купюру, и та с тяжелым вздохом приступала к своим непосредственным обязанностям, за которые государство, конечно, платит деньги, но слишком уж маленькие, чтобы радеть за свое место.

Мне пришлось тряхнуть стариной, делая многочисленные инъекции внутримышечно и внутривенно, вынося «утки» за лежачими и бегая с поручениями врачей к Марине и в другие отделения. Когда не хватало лекарств, приходилось, по выражению одного из ординаторов, «побираться у собратьев по несчастью» – так он называл коллег из других отделений. В общем, к концу дня я уже пребывала в полной уверенности, что медсестрам должны платить не меньше, чем шахтерам.

Где-то после обеда я познакомилась с заведующей отделением Власовой. Хотя, пожалуй, знакомством это и назвать нельзя: толстая, загородившая почти половину коридора тетка лет пятидесяти с гаком оглядела меня орлиным взглядом, хмыкнула – то ли презрительно, то ли одобрительно, – спросила, как зовут, и удалилась. Самое большое впечатление на меня про-

извело невероятное количество золотых браслетов и колец, которыми Власова украшала свои сарделькоподобные пальцы и запястья.

День заканчивался – к счастью! – и я в последний раз обходила палаты, разнося вечернюю дозу таблеток. Обегав за прошедшее время практически все отделение, я пришла к выводу, что пропавших пенсионеров из списка Лицкявичуса здесь нет. С одной стороны, это несколько разочаровывало, но с другой – у меня появилась счастливая мысль: а вдруг в Светлогорке не все так плохо, как мы ожидали? Правда, я побывала далеко не во всех отделениях – кто сказал, что исчезнувшие люди должны находиться именно в неврологии? Лицкявичус в разговоре со мной предположил, что старики и старушки, скорее всего, попадают в три основных отделения – кардиологии, неврологии и терапии. Итак, неврологию, значит, можно исключить?

Входя в палату под номером 8, я услышала приглушенный смех и разговоры.

– И вот врач говорит: «Заходите, больная, раздевайтесь... Ой, погодите-погодите, я хоть музыку включу, что ли!» – вещал мужчина в белом халате, сидящий спиной к дверям на одной из коек.

Старушки зашлись от хохота, и я предположила, что они так развлекаются уже как минимум минут десять.

– Ой, Анечка пришла! – заметила меня одна из них, уже успевшая запомнить мое имя. – А нас тут Антоша веселит...

Мужчина в халате обернулся. Я уже встречалась сегодня с Антоном Головатым, единственным медбратом в отделении. Медбрат в больнице – вообще редкость невероятная: работа тяжелая, порой неприятная, да и оплачивается не соответствующим образом. Молодых людей здесь можно встретить в основном в пору их обучения в медицинском колледже, когда они проходят практику. Куда они потом деваются – один бог знает, но похоже на то, что они, как Зорро, растворяются в закате, едва получают диплом о среднем образовании. Удивительно было видеть Антона не только потому, что он являлся существом противоположного пола, но и в силу возраста. Я, конечно, не великая физиономистка, но могу предположить, что возраст Головатого уже давно перевалил за тридцать, а медбрата обычно ребята совсем молоденькие.

Антон – невысокого роста, стройный и физически крепкий молодой мужчина с копной светлых непокорных волос, которые топорщились в разные стороны, как иголки у дикобраза, – смотрел на меня, слегка улыбаясь. Его спокойные серые глаза казались непроницаемыми, как поверхность лесного озера в пасмурный день. Слава богу, подумала я, что в этой больнице с такой отвратительной материальной базой, с медсестрами, не желающими выполнять свои непосредственные обязанности, со старыми комковатыми матрасами, заштопанными во многих местах и с проложенными в них полусгнившими клеенками, с отвратительной едой, которую мне уже довелось попробовать, все же есть что-то хорошее! Антон, похоже, пытается хоть как-то скрасить унылое существование пациентов, старых людей, до которых, в сущности, никому нет никакого дела. Я заметила, что в восьмую палату посетители сегодня приходили только к одной женщине, да и ту никак нельзя считать старушкой – ей, наверное, не больше пятидесяти пяти. Остальные лежали, либо уставившись в стену напротив себя, либо разгадывая кроссворды и беседуя вполголоса о своем житье-бытье. Две женщины в палате опраивались после инсульта. Их движения были ограничены, а подать воды или поднести судно, как правило, некому. Ходячие соседи по палате, конечно, водички-то принесут, но вот «уточку», пardon-те, никто не подержит! Да и не их это обязанность, строго говоря. Нельзя же требовать, чтобы менее тяжелые пациенты выполняли работу за нянечек и медсестер!

И все же что-то во внешности Антона меня настораживало. Когда я впоследствии вспомнила о своем первом ощущении, то ясно поняла, что именно: когда медбрат улыбался, его глаза оставались не задействованы в этой мимической манипуляции.

– Что, Маришка тебя уже в оборот взяла? – приподнял светлые брови медбрат. – Ты смотри, будь с ней поосторожней!

– Чего так? – удивилась я. Не его предупреждению, но тому, что Антон в курсе предложения старшей посидеть в баре.

– Да так... Не пей много. Маришка любит человека напоить, а потом тянуть информацию – о личном, о сокровенном. Я тебя предупредил!

– Что ж, спасибо, – пробормотала я, раскладывая лекарства на тумбочки.

Выйдя из палаты, я обдумала короткий разговор с медбратом. Вернее, наш короткий обмен репликами, который, вообще-то, вряд ли можно назвать разговором. Однако меня заинтриговали две вещи. Во-первых, Антон дважды назвал старшую медсестру Маришкой – этого, насколько я успела понять за сегодняшний день, не позволял себе никто, даже врачи. Должна ли я сделать вывод, что у Антона со Звонаревой *особые* отношения? Во-вторых, Головатый по какой-то причине решил меня предупредить не болтать лишнего при Марине. Почему?

Ко всему перечисленному добавлялся еще один вопрос: почему Марина Звонарева, занимающая самую высокую среди нас, медсестер, должность, внезапно так заинтересовалась моей скромной персоной? Да не просто заинтересовалась, но и решила перевести наши отношения в личную плоскость, пригласив вместе выпить? Хотя, может, она забыла о своем предложении?

Честно говоря, эта мысль нравилась мне все больше: понимая, что не просто здесь работаю, а выполняю задание ОМР, я все же, кажется, чувствовала себя не вполне готовой к решительным действиям. Как мне разобраться, кто мне друг, а кто враг? Да и вообще, есть ли здесь враги или подозрения высосаны из пальца?

Мне еще предстояло узнать, что Марина Звонарева никогда и ни о чем не забывала. Едва стрелка часов остановилась на отметке «7», старшая медсестра появилась в коридоре, решительно направляясь к посту.

– Ну, жива? – спросила она.

В ее голосе я не уловила ни малейшего сочувствия – это был обычный вопрос, требовавший ответа, а не риторический.

– Вроде бы жива, – улыбнулась я как можно простодушнее.

– Ну и умница! Собирайся-ка скорей, а то через полчаса в бар офисный планктон из бизнес-центра нахлынет, и яблоку будет негде упасть.

Обстановка в баре «Вотель» никак не соответствовала моему вкусу. Вот начать хотя бы с названия. Что за «Вотель»? Может, конечно, хозяева имели в виду *Vatelia*, устроителя королевских торжеств при французском дворе, но тогда им следовало бы свериться со словарем, прежде чем писать имя. Клубы сизого табачного дыма, встречавшие посетителей прямо у входа и сопровождавшие на всем пути до барной стойки и столиков, мешали как следует разглядеть мебель и людей, которых, как и предсказывала Марина, становилось все больше. Она, как бульдозер, проталкивалась через довольно плотную стену клиентов у барной стойки в глубину, а я, «как след за кораблем» из известной в свое время песни, шагала за ней, стараясь не отставать.

Усевшись за самый дальний столик, мы наконец перевели дух. Мои легкие при этом наполнил едкий дым, и я едва сдержалась, чтобы не закашляться. «Вотель» располагался в подвальном помещении, поэтому прямо рядом с нами находилось фальшокно, занавешенное шторами. За занавеской была голая стена с кирпичной кладкой. Марина, не спрашивая о моих предпочтениях, удалилась в сторону бара и через пять минут возвратилась с двумя бокалами и бутылкой коньяка. Честно говоря, коньяк – не мой напиток. Я предпочитаю сухие красные вина или, на худой конец, хорошее шампанское, но в данном случае выбирать не приходилось, и я с благодарностью приняла предложенное начальницей.

– Ну, давай, – сказала Марина, залпом осушив свой бокал и вновь наполнив его, – рассказывай!

– Что рассказывать? – не поняла я.

– Про жизнь свою сиротскую, разумеется! – фыркнула старшая медсестра. – Чего не пьешь-то? Хороший же коньяк...

– Да я не сомневаюсь, – ответила я и отпила глоток, едва удерживаясь, чтобы не скорчить «козью морду» от его неожиданной крепости.

«Легенда» Лицкявичуса всплыла в моем мозгу и встала перед глазами, словно стихи из «Илиады». Во всяком случае, она была столь же мифической, что и бессмертное творение Гомера!

– Мы с... бывшим, – начала я, – прожили вместе больше десяти лет. Двенадцать лет и одиннадцать месяцев, если точно. Детей не нажили – он не мог, а я не настаивала. Вроде бы хорошо жили, дом – полная чаша и все такое... А потом вдруг узнаю, что у него есть любовница. Не кто-нибудь, а моя лучшая подруга! Ну, вот и все, наверное.

– Как – все? – воскликнула Марина. – Ты дальше рассказывай: как оказалась на съемной квартире, почему работу сменила... Вы ведь с мужем не вместе работали, надеюсь?

– Да нет, не вместе, – покачала я головой, одновременно раздумывая, пришла ли пора рассказать начальнице все. Или стоит пока придержать компрометирующую Анну Евстафьеву информацию?

– В общем, у меня там были проблемы, на прошлой работе, – все же решила сдерживать себя. – Развод меня сильно подкосил...

Я сделала паузу, словно воспоминания причиняли боль. Мой расчет оказался верен: Мариныны глаза затуманились, а ее шершавая рука легла поверх моей ладони.

– Я понимаю, – сказала она, опрокидывая в себя бокал коньяка (уже, между прочим, третий по счету!). Слава богу, она не заметила, что мой напиток оставался практически нетронутым. – Уж как понимаю, ты даже не представляешь! Пойду-ка еще бутылочку возьму...

Не успела я отреагировать, как Марина, слегка покачиваясь, уже посеменила в сторону бара. Вернувшись, она сказала, продолжая прерванный разговор:

– Мой тоже слинял – я даже понять не успела, как это произошло. Вот мы сидим на диване и смотрим телик, дети играют на ковре, и все чудесно, как на лубочных картинках. И вот – я уже одна, сижу на кухне и реву белугой, потому что Генка оставил записку, что уходит, так как наша с ним семейная жизнь, видите ли, не заладилась, он, бедненький, устал, а я его не понимаю – и все в таком духе. Сначала я, как водится у нас, у баб, во всем себя винила. Все думала: если б я этого не сделала, того не сказала, все могло обернуться по-другому. Потом, когда снова обрела способность анализировать, поняла, что в случившемся только Генкина вина. Он, оказывается, нашел себе любовницу, молодую и красивую. Ну, ты знаешь, как это бывает: я ухаживала за детьми и за домом, пахала в больнице и в институте... Я ведь хотела врачом стать, представляешь?

Я изобразила на лице удивление, смешанное с восхищением. Во всяком случае, хотелось думать, что мне его действительно удалось изобразить.

– Да-да, врачом! – закивала Марина, очевидно, довольная моей реакцией. – Только вот не вышло ничего: пришлось детей поднимать. Как же я пахала... Что твоя лошадь, честное слово! Все у Ленки с Олежкой было – одежда, игрушки, парки аттракционов... И тут, через восемь лет, появляется это чмо и заявляет, что детям с ним будет лучше!

– Твой муж решил вернуться? – обрадовалась я.

– Да нет, возвращаться он не планировал, а вот Лену и Олежку решил к себе забрать. Генка ведь женился на своей девке, а детей бог не дал – отлились им мои слезы, не иначе!

– Но ты, конечно же, не согласилась?

– Да кто меня, Анютка, спрашивал? – пожала плечами Марина, крутя в руке полупустой бокал. – Зато Генка поинтересовался у детей, а они взяли да и согласились к папке переехать.

– Да ты что?! – не поверила я.

– Он, понимаешь ли, за прошедшие годы здорово приподнялся, – вздохнула Марина. – У девицы-то, оказывается, папаша денежный был, помог зятю свое дело организовать, и оно пошло, так что Генка вернулся к детям королем, завалил подарками. А то, что я в одиночку

их растила, от себя последнее отрывала, чтоб они в школе бедными не выглядели, это как?! Конечно, у него дом за городом – комнат двенадцать или пятнадцать, огромный участок с лесом у реки, дорогие автомобили... А у меня что? Двухкомнатная квартира в блочном доме и зарплата старшей медсестры? Олегу был нужен новый компьютер да прибамбасы к нему всякие, Ленка хотела косметику покупать, шубку норковую, опять же, требовала...

Марина замолкла, словно давая мне время оценить весь ужас жизни, которую ей приходится вести. На самом деле, я ее прекрасно понимала: первое время после возвращения «нового» Славки, мне тоже приходилось нелегко. Видеть, как он покупает Дэну вещи, о которых тот мог только мечтать, и понимать, что я, даже работая без выходных и сутки напролет, никогда не смогу обеспечить сына тем, чем может мой бывший муж, было порой почти невыносимо. Однако Славку, слава тебе господи, ни разу не посещала идея о том, чтобы Дэн переехал жить к нему. Более того, я ничуть не сомневалась, что сын и не согласился бы на такое. Хотя, с другой стороны, с чего бы мне быть такой самоуверенной? Вот взять хотя бы Марину. Разве не имела она права рассчитывать на преданность собственных детей, растя их в одиночку и одновременно справляясь со всеми рабочими и бытовыми проблемами? И что она получила в результате?

– А к нам ты, честно скажу, зря пришла, – со вздохом говорила между тем Марина. Она уже порядком набралась, и язык у нее слегка заплетался. – Не надо бы мне тебе этого говорить, но ты такая... как бы поточнее выразиться... В общем, не для нашей ты трущобы, вот что! Жизнь тебя не пощадила, да и здесь ты ни денег не заработаешь, ни чего другого не приобретешь... Начальство у нас себе на уме – уж они-то точно знают, как деньгу зарабатывать, да только с нами секретами не делятся! Вместо того чтобы денег на премии выделить побольше, наш главный нанимает специалистов, работающих на коммерческой основе. Вот возьми хотя бы нашего местного «шринка» Урманчеева...

– Кого-кого? – переспросила я.

– Ну, это он себя так величает – по-иностранному. Психоаналитик он, короче говоря.

– Надо же, – удивилась я, – не в каждой больнице в штате есть такой специалист!

В моей, например, не было, хотя наш главный тоже любил всяческие новшества и радовался каждой возможности отличиться перед начальством из Комитета.

– Да уж точно, – усмехнулась Марина.

– И что, Урманчеев работает с пациентами, оказывая психологическую поддержку? Так это же, насколько я понимаю, хорошо!

– Хорошо-то хорошо, да вот только бюджетников он не больно-то обихаживает. Я бы даже сказала, что он и зарплату свою вряд ли отработывает. Так, заскочит раз в неделю, спросит, как дела, поговорит о погоде – и сваливает. Ведь надо уделить время тем, кто платит.

– А платят?

– Еще как! – развела руками Марина. – Он же не только в нашем отделении работает – по всей больнице Урманчеев такой один, и у нас случаются денежные пациенты. Им нравятся сеансы с настоящим психоаналитиком – с кушеткой, кассетами и всеми делами, как в западных фильмах. Некоторые ходят к нему каждый день на протяжении всего срока пребывания в больнице. Я точно не скажу, но слышала, что он по двести долларов сшибает за полчаса своей так называемой «работы». А что за работа-то? Боже мой, пациенты лежат себе, смотрят в потолок и рассказывают Урманчееву всякие глупости о себе – о мужьях, о проблемах с начальством и так далее, а он сидит себе да релаксирует... Вот кем надо в жизни быть, а не медсестрой, бегающей взад-вперед по этажам за пять тысяч рублей без премий! В других больницах народ хотя бы приплачивает за беспокойство, а у нас... Так что, Анька, в неправильное ты место пришла!

– У меня, Марина, выхода нет, – вздохнула я.

Похоже, пришло время рассказать о моей «подноготной». С одной стороны, она давала старшей медсестре дополнительные козыри, вздумай та мне навредить, но с другой стороны, таким образом я могла добиться от нее безоговорочного доверия, поскольку Звонарева будет считать, что я сообщила ей страшную тайну.

– Я ведь не просто так со старого места работы ушла... – продолжала я, чуть понизив голос. – Напортачила здорово... человек из-за меня погиб...

– Да ты что?! – не поверила Марина, подавшись вперед всем своим тощим телом. – А чего ж раньше молчала?

– Боялась, что тогда на работу не возьмут.

– Ну, это ты правильно боялась, – закивала старшая медсестра, – таких вещей нигде не любят. А что натворила-то?

– Понимаешь, – я попыталась сделать так, чтобы мой голос звучал виновато, – я как раз тогда проходила через развод. Это было так... унижительно! И еще я понимала, что мне негде будет жить после развода: однокомнатная квартира, в которой мы прожили вместе столько лет, оформлена на мужа. Я, конечно, могла бы судиться, но он сказал: «Попробуй! Как, думаешь, разделят однушку? Тебе – кухня и ванная, нам – гостиная и туалет? Нет, тебе достанется половина каждого метра в квартире. Ты сможешь жить с *нами* вместе?» Я как представила себе, что придется существовать на одной площади с бывшим и его любовницей... В общем, в те дни я ни о чем другом и думать не могла, вот и перепутала дозировку атропина. И пациентка умерла. К счастью, подруга – не та, что с мужем, а другая – нашла мне отличного адвоката, и мне дали два года условно без лишения права работать медсестрой.

Марина долго молчала, но не пила, и я никак не могла решить, хороший это знак или плохой. Звонарева смотрела в одну точку у меня за спиной, и я даже не вполне была уверена в том, слышала ли она меня, а если слышала, то поняла ли. Наконец старшая медсестра посмотрела прямо на меня и сказала:

– Да, подруга, ну ты и попала! Не волнуйся, дальше меня это не пойдет: я – могила.

– Спасибо! – как можно искренне воскликнула я.

В глубине души я начинала испытывать странные ощущения – словно постепенно вживалась в образ Анны настолько, что забывала о том, кто я есть на самом деле. Мне казалось, будто история, пересказанная со слов Лицкявичуса, стала жить отдельной жизнью, и личность Анны Евстафьевой постепенно превращалась в мое второе «я». Пойдет ли это на пользу делу, или мне не следует так уж стараться? До того как я облекла идею в слова, Анна была всего лишь именем, несуществующим персонажем, легендой, теперь же становилась для меня все более реальной. Я вспомнила один из психологических семинаров, которые так любил устраивать наш главврач. Для иллюстрации своих слов лектор упомянул о сотрудниках правоохранительных органов, работающих под прикрытием, и назвал термин – «перекрывание личности». Два этих слова означали, что личность реального человека, вынужденного долгое время выдавать себя за кого-то другого, постепенно исчезает, уступая место новому персонажу – тому, чьей жизнью сотрудник живет в настоящее время. Еще тот психолог говорил, что частенько у таких агентов впоследствии возникают психологические проблемы, связанные с самоидентификацией.

* * *

Возвращаясь утром со смены, я снова размышляла о том же. Меня обогнала какая-то девочка, но я шла, уткнувшись взглядом в мокрый от дождя асфальт, а зонтик перекрывал мне обзор.

– Агния, привет! – раздался знакомый звонкий голос.

Подняв голову, я увидела Вику – улыбающуюся, как обычно. На ней красовалась очередная мини-юбка – из сине-зеленой шотландки, на сей раз надетая поверх джинсов, заправленных в голубые резиновые сапоги. Ярко-желтый хлопчатобумажный пуловер довершал образ в стиле Пеппи Длинныйчулок.

– Ой, привет! – пробормотала я. – Ты как здесь?

– Да вот, проверяю, как прошел первый день, – ответила девушка, беря меня под руку и прячась под мой же зонтик.

Только сейчас я заметила, что у нее совсем мокрые волосы, а тушь слегка размазалась от капель дождя, стекающих по лицу.

– Тебя Лицкявичус прислал? – поинтересовалась я.

– Н-нет, – замялась Вика. – На самом деле, Андрей Эдуардович приказал несколько дней вас не беспокоить. Но мне показалось...

– Да? Что именно?

– Показалось, что вам нужна поддержка от кого-нибудь знакомого, раз уж нельзя общаться с семьей, – закончила Вика смущенно.

Умница, девочка! И как же она догадалась? Больше всего на свете мне сейчас хотелось бы отправиться на собственную квартиру, где все такое родное и знакомое, поделиться с мамой впечатлениями от событий прошедшего дня, спросить у Дэна о новостях... Ничего этого сделать я не могла, и присутствие Вики хоть немного скрашивало мое одиночество.

– Есть какая-нибудь новая информация? – спросила я. – Например, об Орбах?

Вика отрицательно затрясла дредами, от чего они стали извиваться, словно маленькие разноцветные змейки.

– Актриса все еще в коме. Андрей Эдуардович ездил в больницу и разговаривал с врачами: они не уверены, что старушка вообще когда-нибудь придет в себя. Однако новость о ее пребывании в реанимации каким-то образом попала в СМИ – такое впечатление, что кто-то сидел под дверью и слышал все разговоры! Вы телик сегодня не смотрели?

– Да не до телика было! – отозвалась я.

– Во всех новостях сейчас мусолят эту историю и строят предположения о том, что могло произойти со старой актрисой. В одной передаче даже отыскивали ее подругу – другую актрису, с которой они вместе работали в одном театре почти полвека. Ее зовут Элеонора Кочетова. Может, слышали? Она сказала, что Орбах рассказывала ей о каких-то людях, которые интересовались предметами искусства, находившимися в ее доме. Вроде бы Орбах даже просила Кочетову найти экспертов по антиквариату, но потом отказалась от их услуг и сама кого-то отыскала. А вскорости пропала, и никто не знал, куда она делась.

– Может, просто совпадение? – предположила я.

– Ой, я же вам главного не сказала! – всплеснула руками Вика. – Об этом репортеры не знают, потому что только Андрей Эдуардович обратил внимание на один интересный факт: Орбах при госпитализации была одета в халат, тапочки и ночную рубашку, а в кармане у нее находилась пеленка – из тех, что выдают пациентам для физиотерапии и капельниц, если у них нет собственных. Так вот, на той пеленке имеется штамп Светлогорской больницы!

– Да ну? Значит, та пациентка не ошиблась, она действительно лежала в Светлогорке вместе с Орбах?

– Но есть и плохая новость, – продолжала Вика. – Андрей Эдуардович звонил в больницу, и ему сказали, что в их компьютере никакой Орбах не значится. Ее не принимали по предварительной записи и, судя по записям, не привозили по «Скорой».

– Интересно... – пробормотала я.

– Более чем! С другой стороны, вы не представляете, что творится в записях данных о пациентах в большинстве больниц: часть их хранится в электронном виде, а вторая, причем гораздо большая, все еще остается на бумаге. Разумеется, все это пылится на полках, и никто

не станет никого искать просто по запросу, без ордера из прокуратуры. У нас нет уверенности в том, что все пропавшие люди лежали в Светлогорке. О некоторых из них нам все же удалось добыть кое-какие сведения, но пациенты, сами понимаете, весьма пожилые, лежали в разное время в разных больницах. Кроме того, нет никаких доказательств, что они пропали именно из больницы, а не по дороге оттуда или вообще гораздо позже. Просто никто их не хватился вовремя! Пока наша единственная ниточка – Александра Орбах и то, что о Светлогорке ходит дурная слава. В любом случае, если вы сможете покопаться в файлах на пациентов, это будет здорово.

– В одно из ближайших дежурств я попробую что-нибудь выяснить, – сообщила я Вике. – В каком отделении лежала та женщина, что рассказала о своем знакомстве с Александрой Орбах?

– В кардиологии.

– Плохо, потому что я-то в неврологии... Но я попытаюсь порыться в бумагах в приемном отделении, если получится.

– Только очень осторожно, – попросила меня Вика. – Рисковать не стоит: вы не оперативник, наше расследование полуофициальное, поэтому просто сделайте, что возможно. Но если почувствуете опасность, сразу же сваливайте!

– Спасибо за беспокойство.

Еще я рассказала Вике, с кем успела познакомиться в свой первый день на новой работе. Она слушала внимательно, время от времени задавая вопросы. Распрощались мы, не доходя одного квартала до моего нового жилища.

Поднявшись на свой этаж, я сразу ощутила пустоту. Обычно меня встречала мама, или Дэн, или, на худой конец, Куся, когда никого не было дома. Сейчас меня никто не встречал, никто не ждал. Первым делом, чтобы преодолеть щемящее чувство одиночества, я устроила иллюминацию везде, включая ванную и туалет. И еще врубил погромче телевизор – так создавалось ощущение присутствия в доме кого-то еще. Шла передача о собаках, и я не стала переключать. Вместо этого я довела звук практически до полной мощности, чтобы слышать на кухне, куда отправилась готовить себе еду. Еще до того, как открыла дверцу холодильника, я с ужасом сообразила, что вчера он был почти пуст, а я, поглощенная мыслями об Анне Евстафьевой и своих обязанностях, совершенно забыла зайти в магазин. Сегодня же, болтая с Викой, проскочила как минимум две торговые точки.

К моему удивлению, холодильник оказался наполнен всем необходимым! В морозилке лежали пухлые куриные окорочка и мороженые котлеты, в дверце стояли бутылки с соком и два пакета молока. Также я обнаружила несколько видов сыра, зеленый салат, помидоры и огурцы, а в нижнем ящике – десятка три яиц.

Я люблю готовить, но в данный момент не испытывала ни малейшего желания практиковать свои кулинарные способности, поэтому ограничилась яичницей на скорую руку и салатом. Поужинав под аккомпанемент телевизора, оравшего в гостиную, я взяла мобильник и позвонила маме.

– Алло!

Боже, как же здорово слышать в трубке ее голос! Мы немного поболтали. Честно говоря, я потратила бы на разговор с мамой и больше времени, но она волновалась за то, во сколько мне обойдется звонок из-за границы, она слышала, что в Скандинавии очень дорогие тарифы.

Повесив трубку, я легла на диван, приглушила звук телевизора и взяла блокнот. Подумав пару минут и собравшись с мыслями, набросала коротенький план действий на будущее. Получилось следующее:

1) познакомиться с как можно большим количеством народа в собственном отделении и попробовать их разговорить – возможно, кто-то из сотрудников знает нечто, интересное для

ОМР и Лицкявичуса; в больнице явно не все в порядке, судя хотя бы по настроению Марины, так что слухи о темных делах, творящихся там, вполне могут оказаться правдивыми;

- 2) выяснить, лежал ли в отделении неврологии кто-то из пропавших пенсионеров;
- 3) для этого необходимо проникнуть в компьютер Марины;
- 4) если в неврологию никто не попадал, то узнать насчет других отделений;
- 5) для этого придется взлезть в компьютер приемного отделения...

Хватит ли мне квалификации? Конечно, за последние несколько месяцев мои знания в области высоких технологий несколько улучшились, благодаря Дэну и Шилову, однако... Моя рука сама потянулась к трубке и набрала первые несколько цифр номера Олега, но я вовремя себя остановила. Что я ему скажу? Тем не менее я еще пару минут подержала трубку около уха, словно надеясь, что аппарат сам догадается, какие еще цифры следует набрать, и все-таки соединит меня с Олегом.

* * *

У меня снова не было шанса предпринять шаги по расследованию: беготня занимала большую часть моего рабочего времени, и только к четырем часам пополудни все немного улеглось и я смогла перевести дух. Присев за стойкой сестринского поста, я начала листать журнал, надеясь обнаружить в нем информацию о тех, кто лежал в отделении некоторое время назад. К сожалению, на посту не было компьютера – еще одно упущение, принижающее статус Светлогорки по сравнению с моей больницей. Если бы машина там стояла, я смогла бы найти сведения – пусть даже только по отделению неврологии.

– О, милое новое лицо в нашем болоте, полном лягушек! – услышала я приятный голос и вскинула голову.

Передо мной, облокотившись на стойку, стоял невысокий мужчина лет сорока с небольшим. Не слишком красивый, он тем не менее выглядел чрезвычайно ухоженным – даже его руки с безупречным маникюром и тонкими длинными пальцами говорили о принадлежности к элите медицинского персонала. Кроме того, у него оказались черные гладкие волосы и пронзительные карие глаза, которые, казалось, видели тебя насквозь, и я ни минуты не сомневалась в том, кем именно является этот человек: несомненно, психоаналитиком, о котором упоминала Марина.

– Как вас зовут, милая дама? – продолжал мурлыкать он.

– Анна, – ответила я и улыбнулась, напомним себе, что должна заводить как можно больше знакомств, чтобы выполнить свою задачу, для чего мне следует быть дружелюбной со всеми, кто проявляет к моей персоне хоть какой-то интерес. – А вы...

– Ильяс, – представился мужчина и тоже улыбнулся. – Вообще-то – Ильяс Ахатович, но для красивых медсестер – просто Ильяс.

– Очень приятно.

– Читаешь что-то интересное? – спросил он, с ходу переходя на «ты» и перегибаясь через стойку, чтобы заглянуть в журнал. Я прикрыла его игривым жестом.

– О, секреты? – поднял он густые брови. – Обожаю таинственных женщин! В женщине обязательно должна присутствовать загадка, иначе становится скучно.

– А вы быстро начинаете скучать, Ильяс Ахатович? – предположила я.

– Просто Ильяс, – напомнил психоаналитик. – А ты, по-моему, из тех, с кем не заскучаешь?

Я лишь неопределенно повела плечами: при желании этот жест можно было истолковать как угодно. То, что пытался делать мужчина, выглядело как одно из самых липких приставаний, что мне довелось испытать за всю жизнь. Я сразу раскусила его – в нем-то для меня не было никакой загадки! Ильяс любит женщин и в Светлогорке чувствует себя, как кот в молоч-

ной лавке. Наверное, у него в каждом отделении имеется хотя бы одна любовница из среднего медицинского персонала, несмотря на то что он почти наверняка женат. Психолог пользуется успехом у противоположного пола, потому что ухожен, умен, образован и состоятелен в отличие от большинства работающих здесь, однако в глубине души он презирает своих любовниц, так как считает их доступными и корыстными особами, в чем, несомненно, отчасти прав. Больницы бывают разными, но в отношениях между сотрудниками редко можно встретить сколько-нибудь заметные отличия. Врачи напрапалую изменяют своим женам, на которых женились, как правило, еще в институте, с медсестрами и врачами-женщинами. Хотя чаще всего, разумеется, именно с сестрами, потому что у них низкая самооценка, и в этой цепочке ниже них стоят только нянечки. Медсестры втайне надеются на удачный брак с врачом. Многие из них приехали из глубинки и мечтают зацепиться в Питере, другие живут в ужасных жилищных условиях и имеют мало шансов заполучить мужа, способного обеспечить их всем необходимым. Запросы девушек, особенно симпатичных, порой невероятно велики! Тем не менее чудеса все же случаются. Примерно к сорока – сорока пяти годам врачи частенько разводятся со своими половинами и, если, конечно, не найдут никого более достойного, иногда женятся на медсестрах. Это не останавливает их от измен, потому что медсестры постоянно меняются, и новые тоже мечтают хотя бы, на худой конец, о романе с врачом, ну а если правильно разыграть карты, то и на брак. Одним словом, круговорот медсестер в природе никогда не прекращается.

– Чем занимаешься в свободное время? – продолжал между тем свою игру психоаналитик.

Я про себя усмехнулась. Вообще-то, у меня взрослый сын, мама, собака, бывший муж и любовник – мне есть с кем провести вечерок! Но я ответила иначе, скромно потупив глаза:

– Да так, ничем особенным.

Вполне возможно, Ильяс окажется именно тем, от кого я смогу почерпнуть необходимые мне сведения. Он свободно перемещается по всей больнице, так как является единственным в своем роде специалистом, а потому видит и слышит все, что происходит в других отделениях. Может, он видел Александру Орбах и даже разговаривал с ней?

– Как насчет чашечки кофе с коньяком? – предложил он.

– Почему бы и нет? – пожала я плечами.

– Отлично! Тогда приходи в мой кабинет часиков в шесть, – быстро произнес психоаналитик и, улыбнувшись на прощание, отчалил в сторону палат.

Вот это да: он даже не потрудился пригласить меня в кафе или бар, а сразу взял быка за рога, предложив прийти прямо к нему на рабочее место! Очевидно, именно там все и происходит – в смысле, «любовь». Молодец, Ильяс Ахатович, снимаю шляпу!

Я уже собиралась вернуться к изучению журнала, но тут, откуда ни возьмись, нарисовался Антон. Приняв ту же самую позу, что до него психоаналитик, медбрат спросил:

– Клеился к тебе наш Ильяс, да?

Я лишь махнула рукой, показывая, что мне не впервой.

– Смотри, будь осторожна, – сказал Антон серьезным тоном.

– Ты уже во второй раз предупреждаешь меня об осторожности, – заметила я, устремив на него пристальный взгляд. – Почему?

– И тебе лучше следовать моим советам, – не отвечая, заявил медбрат. – Таким, как мы, лучше держаться вместе и не связываться с врачами. Ты понимаешь, о чем я?

Я вновь махнула рукой.

– Так ты пойдешь к нему сегодня? – задал следующий вопрос Антон.

Не знаю почему, но у меня возникло странное ощущение, что он спрашивает не просто так. Тем не менее отвечать я не сочла нужным и снова опустила глаза в журнал. А когда через несколько секунд снова подняла голову, Антона и след простыл.

Этот парень вызывал у меня противоречивые чувства. С одной стороны, я видела его, как говорится, «в деле»: он и в самом деле умеет общаться с пациентами – даже с теми, на которых, судя по отношению большинства медсестер, тратить время считается просто нерациональным, ведь старики и старухи – народ не денежный, а значит, поиметь с них нечего. С другой, Антон, кажется, внимательно следит за происходящим в отделении, и причину его внимания я пока определить не могла. Почему он решил, что имеет право разговаривать со мной так, словно я ему подружка? Да мы, черт подери, едва знакомы! Но в одном я все же собиралась последовать совету Антона: Ильяс сегодня напрасно прождет меня в своем кабинете с коньячком наготове!

* * *

Можно сказать, мне повезло: в последний день недели все врачи спешат разбежаться по домам, поэтому коридоры опустели еще до пяти. Марина, выглядевшая уставшей и помятой, уходила последней.

– Жаль, что ты сегодня дежуришь, – посетовала она, хотя сама же и «удружила» мне с дежурством. – Мы могли бы снова сходить в бар и немного расслабиться...

Вот уж чего мне совсем не хотелось! Я готова была выдержать пьяные откровения старшей медсестры в первый раз, потому что почерпнула от нее много интересной информации, но проводить с ней все вечера совершенно не входило в мои планы! И тем не менее произнесла я огорченно:

– Да, действительно жаль!

– Здесь по выходным ночью спокойно, – решила утешить меня Марина. – Так что закончишь с бумажками и можешь с чистой совестью ложиться спать.

– Спасибо, – улыбнулась я. – Так и сделаю.

Разумеется, я вовсе не собиралась следовать совету старшей. Это – мой первый шанс оказаться в отделении одной, и я никак не могла его упускать. Надо постараться хоть что-то выяснить, потому что я провела в больнице уже почти неделю, но мне пока абсолютно нечего сообщить Лицкявичусу.

Вскоре пациенты разбрелись по своим палатам. Часы посещения закончились, и свет приглушили. Я сидела за стойкой и выжидала, пока все успокоится. Я уже раздала пациентам вечернюю порцию лекарств и сделала необходимые уколы. Пятница хороша еще и тем, что многие уходят домой на выходные, ведь все равно нет никаких процедур. Значит, сегодня в отделении будет примерно на треть меньше народу, чем обычно.

После разочарования с журналом (там не обнаружилось ни одного имени из списка Лицкявичуса) я пришла к выводу, что мне просто необходимо порыться в компьютере Марины и ее бумагах. Если и это не даст никаких результатов, то придется рискнуть в приемном отделении. Глава ОМР обозначил мою задачу просто: смотреть в оба и докладывать обо всех подозрительных вещах, происходящих в больнице. Он не просил меня искать пропавших пенсионеров, а лишь сказал, чтобы я сообщила ему, если кого-то увижу. Тем не менее я решила уделить данному делу особое внимание.

Едва дождавшись, пока все улягутся, я встала и прошла к кабинету Марины. Никого из медперсонала в отделении не осталось, дежурный ординатор уже спустился в приемный покой. А если в коридор невзначай выйдет кто-то из пациентов-полуночников, то он и понятия не имеет о том, что мне в кабинете старшей медсестры, вообще-то, делать нечего.

К счастью, Марина разбрасывала ключи где попало. Чаще всего они просто лежали на столе в ее кабинете, обычно незапертом, когда она находилась в больнице. Поэтому мне не составило труда в один из дней умыкнуть всю связку на некоторое время, договорившись предварительно с Викой, которая за двадцать минут сделала мне необходимые копии, и ключи старшей благополучно вернулись на свое место.

Едва усевшись в кресло и включив компьютер и настольную лампу, я выяснила, что Марина, несмотря на явное пристрастие к выпивке и обиду на весь белый свет, является человеком аккуратным. Информация содержалась в папках, выведенных на «рабочий стол» в виде иконок, так что мне не пришлось долго разыскивать необходимые записи. Я просмотрела календари за два предыдущих месяца и ничего подозрительного не нашла, но, перейдя к календарю за апрель, едва не подскочила от радости, заметив в списке поступивших в отделение пациентов две знакомые фамилии – Тихомирова и Стариков. Инициалы соответствовали пропавшим пенсионерам, и я стала читать скудную информацию.

Судя по записям, Стариков лежал в неврологии с гипертоническим кризом, а Тихомирова, являясь постоянным «клиентом» больницы, проходила плановую госпитализацию. В записях Марины значилось, что Илья Петрович Стариков поступил двенадцатого апреля, аккуратно в День космонавтики, а Елена Андреевна Тихомирова – двумя неделями позже. Однако я так и не смогла понять, выписались пациенты или нет – в графе «выписка» было пусто. Правда, Тихомирова и Стариков оказались отнюдь не единственными, у кого отсутствовали сведения о выписке.

Я откинулась на спинку сиденья и задумалась. В данный момент этих двух людей в отделении нет. Да и не может быть, учитывая срок давности. Так куда же они делись и почему Марина не потрудилась внести в календарь информацию о них? Конечно, могло быть и так: бумажная документация оформляется первой, и только потом сведения заносятся в компьютер. Возможно, Марина не успела или просто забыла? Следовательно, требуется найти бумажные журналы: в них определенно должно быть указано, что же все-таки произошло с Тихомировой и Стариковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.